

Михаил Пазин

РОМАНЫ РОМАНОВЫХ

Две великие страсти – власть и любовь

ПИТЕР

Михаил Сергеевич Пазин
Романы Романовых
Серия «Романовы: семейная
сага русских царей»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11306029

*Романы Романовых. Михаил Пазин: Питер Пресс; Санкт-Петербург;
2007*

ISBN 978-5-91180-579-1

Аннотация

Личная жизнь представителей династии Романовых по драматизму сюжетных коллизий и сочности деталей мало в чем уступает излюбленной историками жизни французских Людовиков того же времени. Романовы были живыми людьми – они влюблялись, женились, плели любовные интриги, заводили любовниц и фаворитов, рождали незаконнорожденных детей, ненавидели и страдали. В общем, предавались простым земным страстям. По понятным причинам все это было скрыто под покровом тайны. Об этих малоизвестных фактах из истории дома Романовых и пойдет речь в книге. Это будет непрерывная цепь любовных историй, приключений и интриг!

Книга также издавалась под названием «Неофициальная жизнь Романовых. Царский декамерон».

Содержание

Введение	5
Глава I. Эпоха царей	9
Царь Михаил Федорович. Роковые сладости	9
Царь Алексей Михайлович. Тугие косы и подметные письма	17
Царь Федор Алексеевич. Влюбленный реформатор	34
Царевна Софья Алексеевна. Софья Премудрая	46
Царь Петр I Алексеевич. Дракон Московский	79
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Михаил Пазин
Романы Романовых

© ООО «Питер Пресс», 2007

Введение

Династия Романовых правила Россией более трехсот лет. И если об общественной деятельности членов Дома Романовых мы знаем достаточно, то об их личной жизни – практически ничего, разве лишь то, что у Екатерины II было много любовников. Как правило, Романовы предстают перед нами в образе безгрешных политиков, великих военачальников и умных государственных деятелей. Помните фильм С. Говорухина «Россия, которую мы потеряли», в котором прямо-таки обожествляется персона Николая II?

Между тем Романовы были обыкновенными людьми – они влюблялись, женились, прелюбодействовали, заводили себе любовниц, имели связи на стороне (от этих связей нередко рождались дети-бастарды), плели любовные интриги, венчались вопреки законам Империи и вели предосудительный образ существования. Однако интимная сторона их бытия была скрыта от постороннего взгляда, а папарацци и «желтой» прессы тогда не существовало. Скандальные подробности личной жизни членов клана Романовых не разглашались, а уж тем более не афишировались.

Первые русские цари из династии Романовых были благочестивыми и тихими людьми, они стремились жениться по любви, но зачастую их привязанности разбивались о боярские интриги. Например, известно, что невест Михаила Фе-

доровича и Алексея Михайловича бояре всячески оговаривали, даже пытались отравить: бедные девушки становились заложницами борьбы боярских кланов за влияние на царя. Михаил Федорович еще хоть как-то пытался отстаивать свое право на счастье, а Алексей Михайлович покорно шел на поводу у бояр и верил во все, что они говорили о его избраннице. Эту боярскую традицию нарушил царь Федор Алексеевич – он женился по собственному выбору, по любви, но его супруга вскоре умерла при родах. Федор женился вновь, однако и сам прожил недолго.

Потом к власти пришла царевна Софья, чье правление – уникальное явление в русской истории XVII века. Женщина на русском престоле – к этому страна еще не была готова. Однако она успешно процарствовала целых семь лет вместе со своим любовником князем Голицыным – первым фаворитом на Руси. Однако смена фаворита сгубила Софью.

Петр I тоже в этом плане был уникальным человеком. У него было множество любовниц (одна из них стала императрицей Екатериной I) и еще больше внебрачных детей, количество которых доходило до ста. Со своими женщинами Петр обращался грубо, даже известен случай, когда он казнил свою бывшую пассию. Страшный был человек...

Екатерина I тоже не отличалась добродетелью; помимо любовников, которые у нее были до Петра, она наставляла ему рога со случайными мужчинами во время частых отлучек царя. Была у нее и одна неслучайная интрижка с Вилли-

мом Монсом – за нее любовник царицы поплатился головой.

Время царствования Анны Ивановны – жуткое для России время. Она правила при помощи своего фаворита-любовника Бирона, выжимавшего из страны все соки. Однако эти двое по-настоящему любили друг друга, ведь Бирон стал любовником безвестной курляндской герцогини еще до того, как она воцарилась.

Мало кто знает, что мать императора-младенца Ивана VI, Анна Леопольдовна, ставшая регентом при малолетнем сыне, была лесбиянкой и эксгибиционисткой. Вместо фаворита у нее была фаворитка, и она любила загорать голая у всех на виду. За что, в числе прочего, ее и скинули с престола.

«Веселая царица» Елизавета, дочь Петра I, так же, как и отец, страдала эпилептическими припадками. А как известно, эпилепсии нередко сопутствует гиперсексуальность. Елизавета Петровна начала свою интимную жизнь в 14 лет. Став императрицей, она завела себе любовника – певчего из украинской сельской церкви Разумовского, которого потом променяла на аристократа Шувалова. В конце жизни Елизавета меняла любовников, как перчатки.

Количество любовников Екатерины II вообще не поддается никакому учету, считается, что их было не менее 80. На Западе ее называли русской Мессалиной, по примеру жены римского императора Клавдия, у которой было множество половых партнеров. Мессалина была больной женщиной и страдала нимфоманией – невозможностью полного сексу-

ального удовлетворения. Этой же болезни была подвержена и Екатерина II; порой, чтобы достичь оргазма, ей приходилось по шесть раз в день ложиться в постель с мужчинами. Отсюда и частая смена партнеров – редко кто ее удовлетворял полностью. Зато ее фавориты были выдающимися личностями, внесшими свой вклад в историю, – один Григорий Потемкин чего стоит.

В общем, амурные похождения многочисленных представителей семейства Романовых – история захватывающая и интересная. Однако эта книга не столько о плотских наслаждениях, сколько о Любви – любви яркой, необычной, порой драматичной, но вместе с тем и кристально чистой, светлой и, как всякая любовь, непростой. О ней-то в первую очередь мы и постараемся рассказать.

Глава I. Эпоха царей

Царь Михаил Федорович. Роковые сладости

Михаил Федорович снял очки, отложил в сторону Библию, задул свечу и, улегшись поудобнее на постели, погрузился в сладкую дрему, вспоминая прошлое. Время от времени он ощущал сильные рези в животе, но целебный отвар, выпитый на ночь, действовал успокаивающе. Наконец боль совсем прошла, а вместе с болью отлетела и душа первого царя России из династии Романовых. Ему было всего 49 лет. О чем же вспоминал перед смертью Михаил Федорович?

А вспоминал он вовсе не о том, как в юные годы по приказу Бориса Годунова очутился в заточении в Белоозере, будучи разлучен с родителями; и не о том, как оказался в заложниках у поляков, захвативших Москву во время Смуты: там-то он и подорвал свое здоровье; не о том, как его, шестнадцатилетнего юношу, Земский Собор избрал на Царство, как поляки, узнав об избрании, вознамерились убить его; как, укрывшись за толстыми стенами Ипатьевского монастыря, он ждал неминуемой гибели, но его спас староста Иван Сусанин. Вспоминал Михаил Федорович о той единственной и ненаглядной, о своей первой любви – Марии Хлоповой.

Находясь в ссылке, Михаил познакомился с племянницей их охранника Марией Хлоповой. Ее дядя хорошо относился к ссылкеным Романовым, помогал, чем мог. Их дети всегда играли вместе – зимой катались на санках, лепили снегови-

ков, кидались снежками; летом ходили за грибами и ягодами, купались в реке, играли в лапту и салки. Михаил с восхищением наблюдал за бойкой хохотушкой Машенькой, у которой был румянец во всю щеку и задорно блестели глаза, а весь облик выражал неподдельное веселье.

В 1616 году, когда Михаилу исполнилось 20 лет, ближние бояре вознамерились его женить. По правде сказать, в его годы он был уже переростком для женитьбы – на Руси венчались рано, рано и умирали, но государственные обязанности не позволяли сделать этого раньше. Страна лежала в разрухе после великой Смуты и польско-шведской интервенции. И только когда дела в России мало-помалу пошли на лад, настал черед женить царя.

Сердце Михаила уже давно было отдано Марии, и потому за выбором невесты дело не стало – ею стала именно она, подруга мальчишеских лет Михаила, дочь московского дворянина из незнатной семьи Мария Ивановна Хлопова. От остальных претенденток на руку и сердце царя ее отличали необычная красота и стать, да и сам Михаил со всей горячностью юношеского сердца полюбил ее. Состоялось обручение. Как будущую супругу ее поселили в кремлевском теремном дворце и по обычаю того времени дали новое имя – Анастасия, в память об умной и добросердечной первой жене Ивана Грозного. Она и была такой – открытой и искренней, доброй и очень неглупой. Избранницу царя теперь стали упоминать в богослужениях. О предстоящем бракосоче-

тании бирючи оповестили все государство. Во дворец вместе с царской невестой перебрались ее мать и бабушка, а отец и дядя стали ежедневно, на правах будущих родственников, ходить к ним.

До назначенного дня свадьбы было далеко. Михаил изнывал от любовного томления – ему хотелось постоянно быть рядом со своей избранницей, держать ее за руку, говорить о своих чувствах к ней, не говоря уже о большем. Однако обычаи того времени не позволяли этого: до свадьбы – ни-ни. Но, внезапно настала беда – ненаглядная Маша неожиданно заболела, у нее открылась частая рвота. Ее «рвало и ломало нутро, и опухоль была». Доложили царю, тот немедленно прислал к Марии придворных врачей, которые осмотрели ее и назначили лечение, хотя точная причина болезни не была установлена. Надзирать за докторами поручили двоюродным братьям Михаила Федоровича – Борису и Михаилу Салтыковым. Но состояние Марии не улучшалось, и Салтыковы рапортовали царю, что болезнь ее очень опасна, препятствует деторождению, и поэтому Хлопова не может стать его женой. Да еще что Хлоповы якобы нарочно скрыли «порчу» девушки, для того чтобы занять ведущее место при дворе.

Делать нечего. Погоревал Михаил Федорович, да и повелел созвать Земский Собор, чтобы решить судьбу его любимой Машеньки. Ведь деторождение – дело серьезное, царица должна обязательно родить наследника «мужеска полу». Благодаря усилиям братьев Салтыковых Земский Собор

решил, что «царская невеста к государственной радости не прочна», и ее было решено отослать от царского двора по-дальше. Марию Хлопову выселили из теремного дворца, где она прожила всего шесть недель, и поместили в Москве у ее бабки Феодоры Желябужской. Дней через десять последовал новый указ: Марию вместе с бабкой, теткой и двумя дядьями сослать в Тобольск, разлучив с отцом и матерью. Правда, отцу Маши, Ивану Хлопову, царь, продолжая питать нежные чувства к несчастной девушке, пожаловал воеводство в Вологде.

Михаил не забывал свою нареченную: с определенного момента участь Хлоповых была облегчена. Сначала семью переселили в Верхотурье, где они прожили около года, а на Рождество 1620 года последовал царский указ о переводе их в Нижний Новгород. Прошло три года. Неожиданно, к радости Михаила и всей родни, из польского плена вернулся отец царя – патриарх Филарет (в миру – Федор Романов). Михаил все еще продолжал любить свою ненаглядную Машеньку, о чем откровенно признался отцу. Филарет знал о расстроеной свадьбе сына и странной болезни невесты, а потому повелел учинить официальное следствие по этому делу. Он искренне желал сыну семейного счастья. В результате перекрестных допросов лекарей, пользовавших Марию, и братьев Салтыковых вырисовалась следующая картина. Оказывается, еще тогда лекари выяснили причину открывшейся рвоты у Марии Хлоповой – чрезмерное употреб-

ление сладкого. Видимо, бедная девушка дорвалась до сластей в царском дворце, поскольку в доме своих родителей ее ими не потчевали. Относительно деторождения лекари заявили Салтыковым, что «плоду и чадородию» от этого «по рухи не бывает». Но Салтыковы повернули дело таким образом, что царская невеста была признана неизлечимо больной. Братья Салтыковы сознались на допросе, что боялись усиления семейства Хлоповых при дворе, а потому и решили оклеветать несчастную Марию. Они опасались, что неизбежное влияние клана Хлоповых на молодого Михаила скажется на их собственном положении. Особенно им не нравилось поведение ее дяди – Гавриила Хлопова, бойкого и умного боярина, который был сослан вместе с Марией. Позицию Салтыковых разделяли многие другие бояре – братья просто стали исполнителями их воли.

После того как вскрылась истина, в Нижний Новгород нагрянула целая докторская комиссия во главе с боярином Ф. И. Шереметевым, и Марию признали вполне здоровой! Братьев Салтыковых за их коварство и за то, что они «государской радости и живота учинили посмешку», удалили от двора и сослали в их вотчины.

Пока шло все это разбирательство, Михаила было решено женить на какой-нибудь иностранной принцессе. Выбор пал на Данию, но датский король отказался даже принять царских послов. Тогда снова решили выбрать кого-нибудь из своих, о чем и сообщили Михаилу Федоровичу. На это пред-

ложение последовал ответ уже возмужавшего, все еще влюбленного человека: «Обручена мне царица, кроме ея не хочу взять иную». Патриарх Филарет, видя непреклонность сына, уже готов был вернуть ни в чем не повинную Марию Хлопову в Москву и благословить этот брак, но неожиданно против этого выступила мать Михаила – инокиня Марфа. Она решительно заявила, что покинет Московское царство в случае женитьбы сына на Хлоповой! Марфа Ивановна тоже пребывала в плену амбиций и боялась усиления незнатных дворян при дворе. К тому же она была обижена опалой своих племянников, братьев Салтыковых.

Так судьба Марии Хлоповой была решена окончательно. Ей приказали оставаться жить в Нижнем Новгороде на дворе Козьмы Минина (того самого!), где она и оставалась до самой своей смерти в 1633 году. Так закончилась жизнь девушки, которая была виновата лишь в том, что проявляла неумеренную тягу к сладостям.

Вот о чем вспоминал в свои последние часы Михаил Федорович. Потом, в 1624 году, была женитьба на Марии Долгоруковой, которая на следующий день после свадьбы занемогла и, проболев три с лишним месяца, умерла. Ходили слухи, что ее отравили. Вероятно, яд подмешали в белила или румяна, которыми пользовалась царица. Такой способ расправы с царскими женами был известен давно. От такого же яда погибли Елена Глинская (мать Ивана Грозного) и Марфа Сабурова (вторая жена этого царя). Заметим, что

никакого официального расследования по этому поводу не проводилось. Кому-то это было не выгодно.

Через год царю представили на выбор 60 красавиц. Ему не приглянулась ни одна из них, а свой выбор он остановил на служанке одной из претенденток – Евдокии Стрешневой. Она-то и стала русской царицей – скромная, доброжелательная и далекая от борьбы боярских кланов и семейных интриг. На этот раз семейная жизнь Михаила Федоровича оказалась счастливой. Супруги родили десятерых детей, один из которых, Алексей, стал следующим царем из династии Романовых. Они и умерли почти одновременно, в июле и августе 1645 года.

В молодости Михаил Федорович был здоровым и крепким – в одиночку ходил с рогатиной и ножом на медведя, но с 1637 года страдал болезнью ног (они опухали от цинги), стал близорук и носил очки. Весной 1645 он заболел какой-то желудочно-кишечной болезнью и умер в начале одиннадцатого часа ночи аккурат в день своего рождения. Его кончина была тихой: Михаил умер, «яко неким сладким сном усне». Опять роковые сладости...

**Царь Алексей Михайлович.
Тугие косы и подметные письма**

Девушки спали. В горнице было темно, лишь возле образов тихо потрескивали лампы. Вдруг на пороге появились мужчины, стали ходить вдоль кроватей, занятых спящими красавицами, и рассматривать, как они спят, обмениваясь многозначительными жестами и взглядами. Одним из них был царь Алексей Михайлович, другим – его личный врач. Царь искал между ними свою будущую супругу – «жену, способную стать утехою своему господину». Наконец выбор был сделан...

Алексей Михайлович хоть и был прозван «Тишайшим», но тихим и робким никогда не был. Он был добрым, незлопамятным, временами мягким, а временами и строгим человеком, хотя мог вспылить и прогневаться. На его долю пришлось и жестокие русские бунты, «бессмысленные и беспощадные», как Соляной и Медный, и подавление восстания Стеньки Разина, и Раскол в Русской Православной Церкви, и долгая война с Польшей за обладание Украиной, и скоротечная война со Швецией, в которой он лично принимал участие.

На престол Алексей Михайлович вступил в возрасте 16 лет, сразу же после кончины своего отца, царя Михаила Федоровича. Когда Алексею Михайловичу исполнилось 18 лет, его решили женить. Выбор царя должен был пасть на одну из русских красавиц. Грамоты о царских смотринах разошлись во все концы страны. Князя, бояре и купцы привез-

ли в Москву полторы тысячи своих дочерей. Придворные боярыни и бояре получили приказ по прибытии в Москву молодых девушек производить строгий и самый подробный осмотр их, не исключая даже самых интимных мест. Особенно проверялась девственность претенденток. Сначала отобрали триста из них, потом двести, затем количество претенденток сократилось до ста, и уже в самом конце осталось только шесть девушек. Среди них была Евфимия Всеволожская – дочь касимовского боярина Рафа (Федора) Всеволожского. Ее-то и заметил Алексей Михайлович во время своего тайного ночного обхода. В то время существовало поверье, что как девушка спит (спокойно или беспокойно), такой у нее будет и характер.

Девушки по несколько раз проходили перед Алексеем, но он свой выбор уже сделал – больше всех понравилась Евфимия, он все чаще поглядывал на нее, и, наконец, подзвав к себе, надел на палец золотое кольцо и вручил платок – знаки царского выбора. Нельзя сказать, что Алексей полюбил ее, – она выделялась среди других красотой и статью, этим и пришлась по вкусу царю. Надо же было на ком-то жениться, и он решил не перечить «старине».

Царскую избранницу поселили у сестер Алексея, взяли «наверх», как говорили тогда. «Верхом» назывались личные теремные покои цариц. До бракосочетания ей надлежало жить с царевнами, а перейти в особую половину дворца она могла, только став царицей. Через некоторое время цар-

ственную невесту должны были обрядить в торжественные одежды, с молитвой возложить на нее царский венец и, после принятия клятвы, подвести к государю. С этой минуты девушка становилась полноправной царицей, а по всем церквям рассылался указ об упоминании ее имени вместе с именем царя. Характерно, что родной отец с этого момента уже не смел называть ее родной дочерью. В предвкушении сего радостного момента боярин Всеволожский решил закатить пир и повсюду разослал приглашения на него. От приглашений, само собой, никто не отказался (как же, все-таки будущий родственник самого царя!), и праздник удался на славу. А наутро Раф Всеволожский узнал, что в дом пришла беда.

На венчании вместе с царем был ближний боярин Морозов, который имел большое влияние на 18-летнего Алексея. Морозов в окружении царя набрал большую силу, и никто ему перечить не смел; он занимал особое положение при царе и поэтому своих недоброжелателей нисколько не боялся. Боялся Морозов лишь родни девушки, которая, как он считал, наберет большую силу и затмит его, Морозова, влияние на Алексея.

Необходимо было во что бы то ни стало опорочить невесту, Евфимию Всеволожскую. Чтобы не возбудить подозрений, надо было действовать решительно и быстро. Морозов, где уговорами, а где и угрозами заставлял боярыню, представленную к Евфимии, пойти на преступление. Когда эта боярыня укладывала девушке косы под кокошник, она за-

плела их так туго, что бедная Евфимия чуть не потеряла сознание. Она едва сдерживала крик, но постеснялась кому-либо об этом сказать. От боли у нее раскалывалась голова, заколки в волосах сильно кололи ее в темя. В таком виде бедняжку и подвели к жениху. От волнения и боли она тут же упала в обморок! Немедленно вызванный врач (тоже подкупленный Морозовым) заявил, что девушка страдает «падучей» болезнью, то есть эпилепсией.

Разразился неслыханный скандал. Пошли слухи, что Евфимию «очаровали» завистники, что царскую невесту «испортили», и даже что она отродясь была «порченная» и «некрепкая». Говорили, что ее подсунули царю «воровским умыслом».

Началось специальное расследование, которое выявило (по подсказке, конечно же, боярина Морозова), что ее отец, Раф Всеволожский, скрыл от царя болезнь дочери. Бывшую царскую невесту мгновенно выгнали из дворца. В утешение Алексей, добрая душа, пожаловал ей подушку, ковер, сафьяновую скамейку и богатое одеяло на соболях с горностаевой опушкой. Наверняка оно ей очень пригодилось впоследствии, так как Евфимию вместе с отцом, матерью и братом отправили в ссылку в Тюмень. Уже отсюда, из Тюмени, отца бедняжки за причиненные неудобства назначили воеводой в Верхотурье. Впоследствии невезучую невесту вернули в родное поместье, но строго-настрого запретили выезжать из него.

Алексей Михайлович сильно тосковал по девушке, которая распалила его воображение, и несколько дней не притрагивался к еде. Боярину Морозову с трудом удалось отвлечь Алексея от горьких дум. Охота на медведя и волка – вот лучшее лекарство от сердечной привязанности. Охота была любимым занятием Алексея Михайловича, особенно соколиная, он даже написал книгу «Урядник сокольничья пути». Правда, с делами развлечения царь не путал – именно ему принадлежит поговорка «Делу – время, а потехе – час».

В очередной раз проклятые бояре ради призрачной выгоды для себя вмешивались в личную жизнь царей! Сначала они проделали такую штуку с Марией Хлоповой, невестой Федора Михайловича, а потом и с Евфимией Всеволожской. И если в первом случае производилось дознание и виновные были сосланы, то Алексей всецело поверил боярину Морозову, даже спас его во время Соляного бунта 1648 года и сквозь пальцы смотрел на все его злоупотребления.

Алексей Михайлович быстро забыл Евфимию, тем более что вездесущий Морозов предложил новую кандидатуру – Марию Милославскую. Дело было в том, что боярин Борис Морозов имел своего верного сподручного – Илью Милославского, так что конкуренции при дворе он составить не мог. У Милославского было две дочери-красавицы – Анна и Мария. Вот у Морозова и возник план: выдать за царя одну из дочек Милославского, а самому женится на другой. Он всячески расхваливал царю дочерей Милославского и

предоставил ему возможность увидеть их во время молитвы в Успенском соборе Кремля. В результате такой пропаганды Алексей Михайлович велел позвать их в гости к своим сестрам, явился туда сам и, приглядевшись поближе, выбрал Марию.

Бракосочетание состоялось уже через полгода после падения, в прямом и переносном смысле этого слова, бедняжки Евфимии, в январе 1648 года. Опять прошла церемония приглашения со всей страны потенциальных невест, опять был объявлен «конкурс красоты», но делалось все это лишь для вида, в угоду «старине». Сам Морозов немедленно женился на сестре Марии Милославской Анне и, таким образом, стал царю свояком. Уж с таким положением за свое будущее можно было не беспокоиться!

Брак с Марией Милославской, отличавшейся скромностью и добротой, оказался счастливым. Любил царь ее или нет, история умалчивает. У супругов родилось 13 детей: пять сыновей и восемь дочерей. Трое сыновей умерли, а оставшиеся в живых Федор и Иван были болезненными. Из дочерей Милославской статью, умом и красотой отличалась Софья (о ней мы расскажем особо). Вместе супруги прожили 21 год. Смерть царицы в 1669 году глубоко опечалила Алексея Михайловича. Ее похороны сопровождались щедрыми раздачами милостыни (в богадельни посылали даже осетрину), и сотни московских нищих провожали гроб с телом Марии Милославской в Вознесенский собор Кремля, где она и была

похоронена.

Был ли Алексей Михайлович верен своей жене Марии? Вопрос не праздный – в этом и задача нашей книги, темой которой являются интриги и скандальные любовные связи. Похоже, что нет. Ходили упорные слухи, что он имел связь с женой своего комнатного стольника Алексея Мусина-Пушкина. От этой связи у них родился сын Иван, которого записали, конечно же, тоже Мусиным-Пушкиным. Стольник Алексей не стал устраивать из-за этого скандала своему повелителю, и правильно сделал, а то не избежать бы ему опалы. Косвенно это подтвердил лично Петр I. Однажды под влиянием винных паров он решил разобраться, чей он на самом деле сын (подробнее об этом мы поговорим позже). «Вот этот, – вскричал он, указывая на одного из своих собутыльников, Ивана Мусина-Пушкина, – знает, по крайней мере, что он сын моего отца...»

Жизненный путь Ивана очень интересен. Он родился в 1661 году, был боярином, Астраханским воеводой, в 1701 году был назначен главой Монастырского приказа, в 1710-м Петром I был возведен в графское достоинство, а в 1711 году стал сенатором, причем его имя в списке стояло первым. С 1725 года заведовал Монетным двором. Умер Иван в 1729 году. Завидная судьба, тем более что Петр к нему благоволил, почитая за сводного брата.

После кончины Марии Милославской царь опять вздумал жениться. Ему в ту пору было всего 40 лет – почему бы и нет?

Опять начался съезд красавиц со всей страны, выбранных из различных слоев общества: среди них были представительницы знати, народа, даже монастырские послушницы. Царю приглянулась послушница Вознесенского девичьего монастыря Авдотья Беляева, скромная девушка из бедной семьи, сирота. Однако окончательного выбора Алексей Михайлович пока не сделал.

Дело в том, что дома у своего нового ближнего боярина Артамона Матвеева (злокозненный боярин Морозов к этому времени уже умер) он заметил красивую темноволосую девушку, которую принял сначала за его дочь. Но это была всего лишь его воспитанница Наталья Нарышкина, порученная отцом, бедным и безвестным дворянином из провинции, попечению богатого и могущественного боярина. В обычной московской семье такого быть не могло – женщинам строго воспрещалось заходить на мужскую половину, а уж тем более сидеть с ними за одним столом. Но у Артамона Матвеева все было по-другому. Вопреки обычаям, он был женат на иностранке, некоей Гамильтон, носил немецкое платье, знал языки, много читал, имел неплохую библиотеку, завел физический кабинет и химическую лабораторию. В общем, приобщился к европейским ценностям. Да и положение Артамона было высоким – он заведовал Посольским приказом, Приказом Большой казны, управлял делами Двора, заведовал стрельцами и являлся наместником царя в Малороссии, Казанском и Астраханском ханствах.

Наталья Нарышкина сидела за столом вместе со своими приемными родителями, была весела, не скупилась на добрую шутку и за словом в карман не лезла. Бойкая девушка запала в душу Алексею Михайловичу. Она пила вино и разительно отличалась от богобоязненной Авдотьи Беляевой. (Ох, знать бы Алексею Михайловичу, что из этого выйдет!) Таким образом, Алексей Михайлович стоял перед выбором: жениться ему на тихой и скромной Авдотье или же на европейски образованной Наталье Нарышкиной? И тут Артамон Матвеев не упустил своего шанса сделать царицей свою воспитанницу. Во дворце неожиданно стали находить подметные письма, в которых преследовалась цель отговорить царя от женитьбы на Нарышкиной и порочилось имя Матвеева. Автором писем мог быть только кто-то из родственников Беляевой, а Артамон Матвеев оставался вне подозрений. В составлении этих писем обвинили дядю Авдотьи Беляевой, некоего Ивана Шихарева. Его взяли в оборот и обыскали, но ничего, кроме травы зверобоя, которой он лечился, при нем не нашли. В травке, найденной у Шихарева, усмотрели попытку околдовать царя, чтобы он взял в жены сироту Авдотью, и потащили бедного дядю на дыбу. Началось следствие, а если уж начали искать колдунов, то они обязательно найдутся. Правда, Шихарев ни в чем не сознался (да и сознаваться ему было не в чем, ведь подметные письма стряпали под руководством Матвеева), разве уж в слишком вольных речах и в попытках поговорить с царским врачом. С гол-

ландским доктором, осматривавшим Авдотью, он пытался договориться – не заметить у нее некоего изъяна, «не так» торчащего пальца, если быть точным. И это все! Больше под пытками ничего у Ивана Шихарева не добились. А Алексей Михайлович сделал окончательный выбор в пользу Натальи Нарышкиной, и в январе 1671 года они обвенчались. Авдотья Беляева была вместе с ее незадачливым дядей отправлена в ссылку. Так протеже Артамона Матвеева стала русской царицей.

В связи с этим возникает вопрос – а любил ли хоть одну из своих женщин Алексей Михайлович? Сдается, что нет. Сначала он позволил оклеветать Евфимию Всеволожскую и даже не проверил, правда ли, что она страдала «падучей». Взамен Всеволожской ему подсунули Марию Милославскую, которой он был неверен. Затем он поверил в подметные письма, якобы составленные Шихаревым, из-за чего расстроилась его свадьба с Авдотьей Беляевой, и женился на развратной Наталье Нарышкиной, как советовал ему «верный» боярин Артамон Матвеев. Нам кажется, что Алексей Михайлович просто плыл по течению; никакой личной привязанности у него к женщинам не было, а уж любви тем более. Он охотно верил всяким сплетням, распускавшимся к выгоде того или иного высокопоставленного боярина, и легко менял свое мнение о невестах. А ведь за свою любовь нужно бороться, драться до последнего, отстаивать свою возлюбленную, что бы там ни говорили о ней разные интриганы. Ладно

бы в случае с Евфимией – ему было тогда только 18 лет, и он мог поверить в боярские сказки, но когда Алексею Михайловичу исполнилось 40 лет, он мог бы разобраться, где правда, а где вымысел!

Итак, в 1671 году он женился на двадцатилетней Наталье Нарышкиной. От этого брака у них родилось трое детей, и первым из них был Петр, будущий император Петр Первый. Он родился в мае 1672 года. До сих пор не установлено точно, где это произошло – в Московском Кремле, в селе Коломенском или в Измайлове. Также не совсем ясно, кем был его отец. Официально считается, что им был Алексей Михайлович, но это официально, а правда была в том, что развратная Наталья Нарышкина блудила с кем попало. И первого своего сына понесла неизвестно от кого.

Вопрос, а Романов ли он, возник сразу же после его появления на свет. Все Романовы, начиная с Михаила Федоровича, были маленькими и толстенькими, и дети Алексея Михайловича от Милославской были типичными Романовыми – маленькими, упитанными, со стабильной психикой и очень добродушными. Первого Романова – Михаила Федоровича – избрали на престол как раз за его добрый нрав, а прозвище Алексея Михайловича – «Тишайший» – говорит само за себя.

Клан Нарышкиных тоже не мог похвастаться ни ростом, ни силой. Петр же вымахал в 2 метра 9 сантиметров и отличался нездоровой психикой, был агрессивным, жестоким и

сильным мужчиной. Он не был типичным Романовым. Поэтому и пошли слухи, что Петр – не родной сын царя Алексея Михайловича. И он, что характерно, ничем не был похож на своих сводных братьев от Милославской – Федора и Ивана. Те были болезненными юношами и умерли рано, а Петр был крепким мужчиной и, если бы не постоянное пьянство, мог бы не умереть в 53 года, а прожить значительно дольше.

Дыма без огня не бывает. Ведь не приписывали же Марии Милославской, что ее дети появились на свет от побочных отцов? А о Нарышкиной говорили, да еще такое! Да уж, репутация у двух жен Алексея Михайловича была разная. Отцовство приписывали и конюху Мишке Доброву, и патриарху Иоакиму, и постельничему Тихону Стрешневу, и грузинскому царевичу Арчилу, и лекарю Келлеру, и опекуну Натальи боярину Артамону Матвееву, и даже родственникам Нарышкиной – двоюродному брату царицы Петру и родному брату Федору. Насчет конюха ничего определенного сказать нельзя, а вот относительно патриарха Иоакима существовало подозрение. Ведь именно он, когда разгорелся спор, кого ставить на царство – Ивана или Петра, высказался за Петра. У историков появились даже предложения сравнить антропологические данные патриарха Иоакима и Петра I – форму ушей, лицевой части черепа и так далее.

Насчет немца-лекаря Келлера тоже однозначно ничего сказать нельзя. Ходили слухи, что он подменил своим мальчиком девочку, истинный плод первых родов Натальи. Но

зачем ему это было делать – непонятно. Царю нужен был сын – наследник престола? Но у него уже и так было два сына, Федор и Иван, так что Петру царствование никак не «грозило». Может, любовником царицы был сам Келлер и от него родилась дочь? Тогда зачем менять ребенка? В общем, непонятная и маловероятная история.

Займемся лучше другой версией – о том, что отцом Петра якобы был грузинский царевич Арчил. Внешне Петр I был подозрительно похож на Арчила. Грузинский, а точнее, имеретинский и кахетинский (тогда Грузия еще не была единым государством) царевич Арчил действительно приезжал в Москву по велению своего отца, Арчила I, слезно просить русского царя принять под свое покровительство его страну, страдавшую от набегов турок и татар. В подарок он привез в Москву гвоздь с креста Господня. (Крест и гвозди были обнаружены в Иерусалиме в начале III века; потом один из гвоздей византийский император Константин передал в дар первому христианскому царю Грузии Мириану. Ныне по одному такому гвоздю хранится в Париже, Вене, Риме и Москве.) Сразу же по приезде в Москву Арчил начал активную политическую деятельность. Наверняка он встречался и с Натальей Нарышкиной, но вот неувязка – царевич приехал в Москву в 1685 году, тогда как Петр родился в 1672 году. Так что версия с грузинскими корнями Петра I не проходит.

Артамон Матвеев? Действительно, такое могло быть. Известно, что, когда Алексей Михайлович впервые увидел в

доме своего боярина Наталью, Матвеев не спешил ее отдавать царю в жены – вполне возможно оттого, что она была его любовницей. И только сообразив, какие выгоды принесет ему это замужество, согласился и даже сам рекомендовал ее царю.

Двоюродный брат Натальи Нарышкиной Петр и родной брат Федор? Такое тоже вполне могло быть. Ходили слухи, что клан Нарышкиных имел склонность к близкородственным связям. Православная церковь считала родственников до седьмого колена слишком близкими для браков, но Нарышкины не раз обходили эти строгости. Был слух, что на самом деле отцом Петра Нарышкина был отец Натальи Кирилл. Если Наталья зачала Петра I от своего двоюродного брата, тогда получается, что Петр – сын сводных брата и сестры. Значит, в его жилах нет ни капли крови Романовых. Приписывали Наталье и связь с родным братом Федом, но это невероятно, так как Федору было всего 8 лет, когда родился Петр. Близкородственные связи часто ведут к вырождению, признаки которого – непропорциональное телосложение отпрыска и нарушения психики. Именно таким и был Петр I – у него была несоизмеримо маленькая голова на громадном туловище при 38-м размере ноги, он отличался чрезмерной моторикой (ни минуты не мог усидеть на одном месте) и невероятной жесткостью. К тому же страдал эпилептическими припадками...

А вот история с Тихоном Стрешневым объясняет все. До

Петра, конечно, доходили слухи, что Алексей Михайлович ему не родной отец, да он и сам ощущал это. Мы ранее приводили отрывок из высказываний Петра I, когда он допытывался, чей он сын. Теперь мы приведем этот текст полностью. Как пример он приводил историю с Мусиным-Пушкиным. «Этот вот, – указывая на одного из своих собутыльников, Ивана Мусина-Пушкина, – знает, по крайней мере, что он сын моего отца. Но от кого же я сам? Уж не от тебя ли, Тихон Стрешнев? Ну! Говори, не бойся! Говори, не то задую...» Побледнев, Тихон отговаривался незнанием. Тогда Петр избрал столь же радикальный, сколь и простой способ узнать правду – он приказал пытать Тихона Стрешнева и поднять на дыбу! Выплывая зубы из разбитого рта и испытывая невыносимую боль в вывороченных суставах, Стрешнев прохрипел: «А пес его знает, чей ты сын! Много нас к твоей матушке ходило...» Таким образом, отцом Петра I мог быть кто угодно, хоть двоюродный брат Натальи Нарышкиной Петр, хоть патриарх Иоаким, хоть конюх Мишка Добров!

Знал ли об амурах своей жены сам Алексей Михайлович? История об этом умалчивает. Но еще древними отмечено – если в одних делах человек проявляет деловитость, целеустремленность или даже талант, то в других часто не смыслит ровным счетом ничего, и его легко обмануть. Таким и был царь Алексей Михайлович: незаурядный политик, заядлый театрал, покровитель художников и ученых, легко поддавался на разные боярские уловки, в том числе и обман сво-

ей второй жены. Клан Нарышкиных после женитьбы царя на Наталье занял главенствующее положение при дворе и изгнал всех своих недоброжелателей; и, конечно, они не могли допустить распространения слухов об амурах своей родственницы. Алексею Михайловичу просто не от кого узнать правду о похождениях царицы. Так что царь, видимо, ничего не знал и ни о чем даже не догадывался. Кремлевские спальни умеют крепко хранить свои тайны.

Умер Алексей Михайлович в январе 1676 года от цинги, через пять лет после своей женитьбы на Наталье Нарышкиной.

Ему было 47 лет. За свою жизнь Алексей Михайлович так и не познал сладости и мук любви, когда страсть к единственной женщине заставляла бы, образно говоря, рушить горы и сокрушать врагов. Владимир Маяковский однажды написал такие строки: «Любить – это значит в глубь двора вбежать и до ночи грачьею, блестя топором, рубить дрова, силой своей играючи». Этим сказано очень многое – и стремление показать свою силу, даже если любимая не видит, и восторг от сознания того, что ты любишь, и сладострастное изнеможение от усталости, такое же, как после близости со своим божеством, многое, и многое другое. К сожалению, Алексей Михайлович дров не рубил. Да и мышей, похоже, в спальне своей второй жены не ловил тоже.

**Царь Федор Алексеевич.
Влюбленный реформатор**

Чтобы проверить свои чувства, Федор прогарцевал на лошади мимо дома Заборовских три раза, внимательно поглядывая на окна. И только когда в чердачном окошке мелькнуло светлое личико Агафьи, он окончательно уверился в том, что влюблен в эту девушку и она обязательно станет его женой.

Когда умер царь Алексей Михайлович, завещавший трон сыну, Федору Алексеевичу, тому было всего 14 лет. В день смерти отца придворные под руки потащили его, больного, с опухшими ногами в Грановитую палату и усадили на трон. Началась присяга новому государю. Скорость, с которой прошла присяга у еще неостывшего трупа прежнего царя, имела свои причины. Как мы знаем, Алексей Михайлович был женат два раза: первый раз на Марии Милославской и второй раз на Наталье Нарышкиной. От Милославской у него было два сына – Иван и Федор, а от Нарышкиной один, Петр. Несмотря на то что Алексей Михайлович завещал престол Федору, клан Нарышкиных решил сделать ставку на Петра, поскольку Федор был больным, а Иван слабоумным, в общем – не жильцы на этом свете. Из-за борьбы за престолонаследие Россия могла погрузиться в новую Смуту, так как Нарышкины и Милославские были смертельными врагами.

За Петра, в частности, ратовал его предполагаемый отец, боярин Артамон Матвеев. Но в этой схватке победил клан

Милославских, чем и объясняется та поспешность, с которой возвели на трон Федора. Зловредного Артамона Матвеева за его гнусные происки Милославские лишили всех чинов и званий и сослали в далекий северный город Пустозерск. К тому же ему приписали колдовство, что было тогда серьезнейшим преступлением. Он, якобы будучи главой Аптекарского приказа, не допивал за царем лекарства (так тогда проверяли содержимое напитков на яд) и вызывал духов, которых было полным-полно в избе. Их вроде бы видел лежавший за печкой карла (карлик) Захар. Также ему вменялось в вину, что переводчик грек Спафарий читал отцу и сыну Матвеевым «черную книгу» и учил обоих колдовать на ней. В довершение Матвеева обвинили в казнокрадстве – а кто тогда не крал? И поделом ему. Он еще старому царю, Алексею Михайловичу, вредил, расстроив его женитьбу на Авдотье Беляевой. Главных недоброжелателей Милославских – Ивана и Афанасия Нарышкиных – за «попытку покушения» на Федора Алексеевича приговорили к смертной казни, но царь заменил ее недалекой ссылкой.

Итак, Федор Алексеевич стал царем. На похоронах отца его несли сидящего на носилках – так сильно болели ноги. Болезнь у Федора была та же, что и у отца, – цинга. Через неделю после отставки Матвеева с должности главы Аптекарского приказа новый начальник собрал консилиум из шести самых знающих врачей страны на предмет освидетельствования нового царя. Обследование Федора показало, что

«ево государская болезнь не от внешнего случая и ни от какой порчи, но от его царского величества природы... , та де цинга была отца его государева ... в персоне». То есть доктора признали, что болезнь была наследственной. Врачи заявили, что хроническая цинга дает сезонные обострения, которые лечатся с помощью внешних укрепляющих средств: «сухой ванны», мазей на царские «ношки» и прочего. Полное излечение «возможно исподволь, а не скорым временем». Организму царя просто не хватало каких-то витаминов.

«Государская» болезнь усугублялась еще и тем, что Федор, когда ему шел тринадцатый год, будучи страстным лошадиником, попал под сани. Как-то он с тетками и сестрами захотел прогуляться за город. Им подвели ретивую лошадь. Тетки с сестрами сели в сани, а Федор взобрался на лошадь – он захотел сам быть кучером. Однако сани были так перегружены, что лошадь не могла их сдвинуть с места и встала на дыбы, при этом сбросив седока. Царевич попал под сани, лошадь рванула вперед, и «тут сани всею своею тяжестью проехали по спине лежащего на земле Федора и измяли ему грудь, отчего он и теперь (1676 г.) чувствует непрерывную боль в груди и спине».

Тем не менее, по заключению докторов, болезнь была не смертельной, и при правильном уходе и лечении Федор мог править еще долгое время. Бояре вздохнули с облегчением, и новый царь приступил к своим обязанностям. Он был прекрасно образован: знал латынь, польский и древнегреческий

языки, писал стихи и песни (некоторые его произведения дожили до нашего времени), играл в шахматы, в его личной библиотеке насчитывалось двести томов книг – богатейшее собрание по тем временам. О его увлечении лошадьми мы уже говорили; кроме того, Федор был прекрасным лучником. Его наставником был Симеон Полоцкий – выдающийся церковный деятель, философ и поэт. Федора изначально готовили к управлению государством.

Насколько царь был немощен физически, настолько был силен его дух. Федор поддавался болезни только в дни тяжелых приступов, а в остальное время был подвижен и деятелен. Он начал реформировать Россию! Федор Алексеевич простил народу недоимки и облегчил налоги, отменил местничество, ввел «немецкое» платье, при нем стали брить бороды, он обновил Кремль, изменил управление приказами (так тогда назывались министерства), усовершенствовал судебную систему, организовал систему военных округов, реформировал армию, учредил то, что при Петре I стало называться «Табелью о рангах». При такой системе в люди выбивались умные, толковые и знающие специалисты, а не заносчивые и бестолковые невежды, кичащиеся своим высоким положением. В итоге правой рукой царя Федора стали незнатные И. Языков, братья А. и М. Лихачевы, князь Василий Голицын и священник Сильвестр Медведев.

Позже все нововведения Федора Алексеевича приписали Петру I, а его самого просто вычеркнули из истории. А

сколько еще мог сделать полезного для страны царь Федор, не умри он так рано! При этом реформы Федора отличались продуманностью, постепенностью и ненасилием. Петр I же проводил их с запредельной жесткостью, непоследовательно, урывками и с чрезмерной регламентацией всего и вся. Но наш рассказ не об этом, а о любви, большой и пылкой любви Федора Алексеевича.

Однажды в 1679 году, с трудом передвигая распухшие ноги, во время крестного хода Федор заприметил в толпе богомольцев чрезвычайно миловидную девушку. Они обменялись взглядами. Молитвенное настроение как ветром сдуло. Царь влюбился в нее с первого взгляда. Тотчас же он шепотом приказал верному Языкову узнать – кто такая? Языков проследил за ней до дома, все разузнал и доложил: девушка – дочь смоленского шляхтича Агафья Грушецкая, по происхождению полька, живет в доме своей тетки, жены окольного Заборовского. Тогда Федор послал Языкова в дом Заборовских познакомиться с семьей поближе, а вскоре объявил Заборовскому, «чтоб он ту свою племянницу хранил и без указа замуж не выдавал».

Намерение Федора жениться вопреки устоявшейся традиции, да еще на польке, повергло родню царя в шок. Первый министр Иван Милославский попытался воспрепятствовать женитьбе Федора на Грушецкой и стал чернить ее: «Мать ее и она в некоторых непристойностях известны». Молодой человек от слов своего дяди впал в черную тоску и даже пе-

рестал есть. Верные Языков с Лихачевым уговорили царя проверить слова Милославского. Федор охотно согласился. Они поехали в дом Заборовских и, ужасно смущаясь, спросили о «состоянии» невесты, мол, девица ли еще она. Это было страшным оскорблением для Заборовских. Они, «уоставив бороды», возмутились: «как стыд о таком деле девице говорить». Агафья слышала весь этот разговор и решила вмешаться. Она вышла к гостям из-за занавески и сказала, как отрезала, «чтоб оне о ее чести ни коего сомнения не имели, и она их в том под потеряннем живота своего утверждает». Короче, под страхом смертной казни поклялась в своем целомудрии. Так Языков с Лихачевым вывели Ивана Милославского на чистую воду. Федор, а ему в ту пору было всего 19 лет, в отместку за ложь решительно запретил дяде появляться при дворе и снял с должности первого министра.

После этого Федор Алексеевич воспрянул духом, прогарцевал мимо ее дома на коне, направляясь со свитой в Воробьево, и, узрев милое сердцу лицо в чердачном окошке, твердо принял решение жениться. Агафья Грушецкая тоже была не против, и свадьбу сыграли 18 июля 1680 года. Венчание прошло очень скромно – на свадьбе присутствовали всего лишь несколько человек. Молодая жена, «разсудя слабость человеческую», уговорила царя вернуть Ивана Милославского ко двору. Добрая душа! Она простила клеветника. Чтобы отблагодарить Агафью, Иван как-то крался к царице в ее покои с ворохом соболиных шкур. На его беду ему на пу-

ти встретился сам царь. Федор взъярился на Милославского: «Ты прежде непотребною ее поносил, а ныне хочешь дарами свои блудни закрыть!» Он вытолкал дядю взащей; насилиу царя успокоили. С тех пор Иван Милославский потерял при дворе всякое влияние.

Каковы же были последствия женитьбы царя Федора? Во-первых, он чудовищно нарушил традиции, не обсудив с Боярской думой свое намерение жениться. Царь просто поставил бояр перед фактом, и все. Федор Алексеевич первым из Романовых поступил не как государь, а как частное лицо. Во-вторых, он, хотя бы для видимости, не пригласил в Москву других претенденток в царицы. Таким образом Федор навсегда отменил архаичный прадедовский обычай выбирать себе жену из тысяч девиц (неизвестно еще, какая попадется!). Он женился исключительно по любви, и только по любви. В-третьих, ладно бы Федор Алексеевич женился на девушке незнатной (правда, такие прецеденты уже были), но чтобы на польке! Ведь с Польшей Россия постоянно воевала. К тому же бояре были обижены на царя за скромную свадьбу: вместо того, чтобы, как в старые добрые времена, пировать за столом, уставленным жареными лебедями, водкой и винами из царских погребов (а «государские» свадьбы тогда порой длились неделями!), Федор ограничился только небольшим застольем. Ему это было не нужно. И в этом случае он повел себя как частное лицо.

Этим своим поступком Федор устанавливал особенное,

непривычное для царского двора правило – частная жизнь венценосца выводилась из-под контроля боярского окружения. Выходило, что в таком важном деле, как женитьба царя, не были полномочны решать за него ни родственники, ни знатные бояре.

Для сравнения можно взять Ивана Грозного. Он тоже выбирал себе невесту сам, не соблюдая никаких обычаев. При этом последние браки он заключал абсолютно незаконно – церковь не считала позволительным венчаться более трех раз, а Иван IV был женат семь раз! Однако женитьбы Ивана Грозного были надругательством над традициями, над всем обществом. Он просто плевал на бояр! А Федор – нет. Так что сравнивать браки этих двух царей невозможно. Федор Алексеевич никогда не пренебрегал мнением окружающих. Этот брак у него был первым, заключен для продолжения династии и ничем, кроме отступления от традиций, не мог вызвать неприятия общества. Но до такой степени независимо, так откровенно, как частное лицо, мог вести себя далеко не всякий король Франции или Англии.

Брак Федора и Агафьи был счастливым. Если посмотреть на портрет Федора Алексеевича, можно отметить, что он был статным, красивым мужчиной: небольшая бородка, аккуратные усы, выразительные глаза и тонкие брови. Да и Агафья была хороша собой: высокий рост, тонкие черты лица, чувственные губы, необычный миндалевидный разрез глаз, матовая кожа – все это необыкновенно привлекало Федора.

Осознавать, что эта красавица является его женой, было наивысшим счастьем для него.

Федору Алексеевичу в ту пору было всего лишь 19 лет, а возраст его невесты история не сохранила, но никак не меньше семнадцати-восемнадцати. Практически они были ровесниками. Злые языки утверждали, что многое в нововведениях Федора, как то: брить бороды, носить «немецкое», а точнее, польское платье, ему подсказывала Агафья. Однако царь всегда был самостоятелен в своих решениях, а если что Агафья и подсказывала ему, значит, просто их взгляды совпадали. И в этом они были идеальной парой. Может быть, впервые на русском престоле оказалась пара влюбленных.

Счастье Федора Алексеевича длилось недолго. Вскоре его постиг страшный удар – при родах 14 июля 1681 года умерла его любимая, обожаемая жена царица Агафья. Со дня их свадьбы не прошло и года! А через шесть дней скончался и рожденный ею младенец Илья – наследник престола. От этого огромного горя Федор Алексеевич окончательно слег и не смог даже присутствовать на похоронах. Болезнь и несчастье окончательно подкосили его.

Однако заботы о наследнике не оставляли Федора – будучи смертельно больным человеком, он обязательно должен был жениться, чтобы обзавестись хотя бы одним сыном. В этом был его долг как государя. Ровно через семь месяцев после смерти Агафьи, в феврале 1682 года царь женился вновь. Его новой женой стала 16-летняя Марфа Апраксина,

тоже происходившая из незнатного рода. Говорили, что ему ее подсунул все тот же Языков, так как она была его то ли крестницей, то ли дальней родственницей. Но, судя по всему, Федору было уже все равно. Безмерное горе заполняло все его существо. Свадьба прошла еще тише, чем в первый раз. Из-за болезни ног царь венчался, сидя в кресле. Кремль на время свадьбы был вообще заперт, чего никогда не бывало. После венчания Федору стало плохо настолько, что он слег, и только через неделю смог принять придворных с поздравлениями. Еще через несколько дней царь с царицей дали скромные «столы». Такая вот скорбная свадьба. Государь был уже одной ногой в могиле, и детей от этого брака не было.

Скончался Федор Алексеевич в 1682 году, через два месяца после новой женитьбы, «апреля в 27 день, грехов ради всего Московского государства». И шел ему всего лишь 21-й год! Остается только удивляться, как много он сделал за свои короткие шесть лет правления, учитывая юный возраст царя. Не являлась ли при этом движущей силой, побудительным мотивом, его любовь к Агафье Грушецкой?

Но со смертью Федора Алексеевича не все было просто. Помните заключение врачей, осматривавших царя и сделавших вывод, что его болезнь не смертельна? А тут он умирает совсем молодым! Конечно, сразу пошли слухи, что его отравили. И сделали это Нарышкины, в частности, по приказу «медведихи», как называли Наталью Кирилловну. В под-

тверждение этой версии можно заметить, что во время бунта, вспыхнувшего сразу после кончины Федора Алексеевича, разъяренные стрельцы изрубили на части Ивана Нарышкина, подозревая его в отравлении царя, и личного врача государя Даниила фон Гадена. Кроме отравления Федора ему приписали еще и чернокнижие. Так это было на самом деле или нет, за давностью времени трудно разобраться.

Любопытна история кончины второй жены Федора – Марфы Апраксиной. Она на 33 года пережила своего мужа и умерла в 1715 году. При этом «любопытнейший» Петр I решил узнать: спал Федор с Марфой или нет? Он лично сделал вскрытие и убедился, что Марфа умерла девственницей. Любопытство негодяя было удовлетворено!

**Царевна Софья Алексеевна.
Софья Премудрая**

«Свет мой Васенька! Здравствуй, батюшка мой, на многие лета! И паки здравствуй, Божию и Пресвятой Богородицы милостию и своим разумом и счастьем победив агаряне! Подай тебе Господи и впредь врагов своих побеждать! А мне, свет мой, и не верится, что возвратишься; тогда только поверю, как увижу тебя в объятиях своих, света моего. Что же, свет мой, пишешь, чтобы я помолилась: будто я верно грешна перед Богом и недостойна; однакож, хотя и грешная, дерзаю надеяться на его благоутробие. Ей! Всегда прошу, чтобы света моего в радости видеть. Посем здравствуй, свет мой, на веки несчетные», – писала Софья Алексеевна своему возлюбленному, Василию Голицыну, когда он воевал с татарами и турками в Крыму.

Это восторженное письмо написала женщина, которой уже исполнился тридцать один год. Сколько пыла в этом коротком послании! Кто же она, Софья Алексеевна Романова? И кем для нее был «свет мой», боярин и князь Василий Васильевич Голицын?

Ее образ мы можем видеть на знаменитом портрете Ильи Репина «Царевна Софья Алексеевна в Новодевичьем монастыре в 1698 году». Мы не знаем, какая толстая и непривлекательная, мужеподобная, с выпученными глазами, бабища послужила моделью для знаменитого художника. О ней и сейчас пишут: «А тело ее было широко и коротко, как обрубок! А голова – как котел и покрыта волосатыми бородавками».

ми! А на ногах – шишки!» Этот образ правительницы Русского государства как будто списан с насквозь лживого романа Алексея Толстого «Петр I».

Все это неправда. Судя по воспоминаниям современников, в том числе иностранцев, обретавшихся при русском дворе и видевших ее воочию, Софья была весьма привлекательной молодой женщиной. Вольтер, знакомый с ее подлинными портретами, называл ее красавицей. Она не была, конечно, красавицей в истинном значении этого слова, но не была и безобразной, как о ней говорили в петровское время.

До своего головокружительного взлета на вершину власти Софья жила так же, как и прочие царские дочери и жены. Им предписывалось такое строгое исполнение всех обрядов и правил, что кремлевские терема оказывались самыми суровыми монастырскими стенами в России. Только священнослужители и родственники были единственными посетителями царского терема. Содержание девушек напоминало строгие порядки султанского гарема, но правила здесь были еще жестче. Даже врач к ним допускался только в случае очень серьезной болезни. Когда он приходил, то ставни закрывались, чтобы он не смог увидеть своей пациентки при ярком свете. Щупать пульс доктору позволялось только через какую-нибудь тонкую ткань. То же самое было и при посещении церкви. Потайные ходы вели из терема в храм, где царица и царевны скрывались за специальными красными занавесями от взглядов других прихожан. Порой дело дохо-

дило до смешного, если не страшного. Однажды в одном из внутренних дворов царского дворца два молодых дворянина, оболтусы Бутурлин и Дашков, случайно встретили карету, в которой царица вместе с дочерьми отправлялась на богомолье в дальний монастырь. Этот случай чуть не стоил им головы. Их поволоки в застенок и стали пытаться – а не специально ли они поджидали экипаж, чтобы взглянуть на царицу? Царевны не могли присутствовать ни на одном торжестве, и ничто не нарушало тягостного однообразия теремной жизни. Они могли появляться только на похоронах, при этом шли за гробом в непроницаемых накидках, очень похожих на паранджу. Простой народ знал их только по именам, упоминаемым на богослужениях. Они же, в свою очередь, ничего не знали о том, как живет страна, и вынуждены были существовать в том узком кругу, который им был определен по статусу. Мы уже писали о том, что они не могли выходить замуж, познать сладость любви и радость материнства. Простой смертный им в мужья не годился – это не соответствовало их высокому положению. В то же время какой-нибудь иностранный принц не мог стать мужем царской дочери, так как для этого ему пришлось бы сменить религию. Им была одна дорога – в монастырь.

И Софья Алексеевна эту замшелую женоненавистническую традицию сломала! После нее уже никто не осмеливался запирали женщин в теремах; они могли выходить замуж за иностранцев, и даже обязательно за них, участвовать в по-

литике, вести светский образ жизни со всеми ее радостями и удовольствиями.

А случилось это так. Рано лишившись матери, Марии Милославской, смышленная и бойкая Софья возненавидела теремную затворническую жизнь. Ей претило находиться в скучных хоромах среди тупоумных нянек и мамок, под вечный шепот богомолк. Она остро ненавидела сплетни сенных девушек за монотонным рукоделием и мелкие интриги в женских палатах. Ее душа требовала широкой жизни, деятельности и борьбы. Софья быстро освоила грамоту, много читала, знала польский, латынь и греческий, писала стихи, разбиралась в таких мужских науках, как военное дело и фортификация. Ее учитель и учитель ее брата, царя Федора, Симеон Полоцкий, мог бы гордиться своей воспитанницей. Священник Сильвестр Медведев, ближайший сподвижник Софьи, без всякой лести называл ее Премудрой.

Когда царь Федор в очередной раз занемог и стал нуждаться в женском уходе, Василий Голицын, ближайший соратник Федора по реформированию страны, посоветовал ему нарушить мрачные многовековые правила и найти себе сиделку. При этом он указал на сестру Федора царевну Софью. Тот с радостью согласился, так как она была ему самым близким человеком. По мере ухудшения здоровья Федора она стала чем-то вроде его личного секретаря – с удовольствием вникала в государственные дела, а потом завела доселе невиданный на Руси порядок, – она, женщина, стала присутствовать

на докладах чиновных бояр царю. Со временем Софья стала отдавать и свои собственные распоряжения. Многие начинали понимать, кому в действительности принадлежит власть в стране. Некоторым это не понравилось, и в первую очередь клану Нарышкиных. (Между Нарышкиными и Милославскими была вражда – каждый из кланов стремился захватить власть во дворце. Кроме того, Наталья Нарышкина, вторая жена Алексея Михайловича, была всего лишь на 4 года старше Софьи, и та презрительно называла свою мачеху Наташкой.) Софья осознавала всю шаткость своего положения и выбрала себе в союзники Василия Голицына.

А потом был стрелецкий бунт. По закону нужно было созывать Земский собор, чтобы определить, кому править страной. Иван Милославский (будем называть его по фамилии матери, чтобы не запутаться), родной брат Софьи, был, по общему мнению, «дурачком». Обычно таких на Руси объявляли юродивыми. Как претендента на престол его никто всерьез не рассматривал. Петр Нарышкин (его тоже будем называть по матери), сводный брат Софьи, хотя и был здоровым, но при этом никогда и ничему не учился, тем более управлению державой (четыре действия арифметики он осилил лишь в 16 лет и до конца жизни писал с чудовищными грамматическими ошибками). Так, бегал по двору десятилетний мальчишка, и даже непонятно было, что из него вырастет.

По всем статьям русской царицей должна была стать стар-

шая сестра двух братьев Софья. На ее стороне были клан Милославских и клан Голицыных, но ее кандидатура даже не рассматривалась – общественность еще не была готова к тому, чтобы Россией правила женщина. Хотя уже через 36 лет та же самая общественность с радостью вручит власть Екатерине I. Но в то время это было невозможно, и Софья сама решила взять власть.

Первый удар нанесли Нарышкины. Еще не успели похоронить царя Федора, как патриарх Иоаким (тот самый, кого подозревали в отцовстве Петра) вышел на Красное крыльцо и спросил у собравшейся толпы – кого бы они хотели видеть царем: Ивана или Петра? Растворившиеся в толпе сторонники клана Нарышкиных, под одеждой которых были надеты кольчуги и панцири, выкрикнули Петра. Тех, кто голосовал за Ивана, безжалостно резали ножами. В итоге выбрали царем Петра. Это абсолютно незаконное избрание царя, без созыва Земского собора, сразу же вызвало сопротивление. Никакой законной силы вопли толпы иметь не могли. Мало ли кто что кричит? Без решения Земского собора (а Земский собор был в России аналогом парламента в Англии) избрание царем Петра было абсолютно нелегитимным. И стрельцы взбунтовались. (Стрельцы были в то время нечто вроде русской гвардии в XVIII–XIX веках – сладко ели, мягко спали, активно участвовали во всех кремлевских интригах, то есть занимались политикой.) Часть из них считали, что «медведиха» Наталья Нарышкина отравила царя Федо-

ра, и высказывали мнение, что надо бы «уходить до смерти медведиху и медвежонка», то есть Петра. Другая часть, напротив, хотела на царство Петра, потому что «с Ивана толку нет». Но ни те ни другие толком не знали, кому подчиняться после смерти законного царя Федора. Стрелецкие страсти подогревались враждующими кланами Милославских и Нарышкиных. Ситуация накалилась до предела.

Второй удар нанес клан Милославских. 15 мая 1682 года, то есть через три недели после кончины царя Федора, гонцы Милославских разнесли по стрелецким слободам ложную весть – якобы Нарышкины задушили царевича Ивана. Разъяренные служивые ворвались в Кремль и начали искать «изменников». Для разрядки напряженности на крыльцо вышла царица Наталья Нарышкина с двумя детьми – Иваном и Петром, чтобы показать, что оба они живы. Стрельцы растерялись, но тут вперед вышел боярин Михаил Долгорукий, накинулся на стрельцов с бранью и криками и потребовал от них под страхом смертной казни вернуться в свои слободы. Те, конечно, не стерпели и задали ему резонный вопрос: «А ты с колокольни не летал? А ты это видел?», – показывая ему бердыши. Долгорукого схватили и бросили на подставленные копыя. В итоге стрельцы взбунтовались; началась кровавая неразбериха. Погибло много видных людей, в том числе Артамон Матвеев, боярин Ромодановский, Федор Салтыков, отец Михаила Долгорукого, врач фон Гаден и Иван Нарышкин (о них мы уже писали) и другие виновные и вовсе

невинные лица.

Наконец, 23 мая 1682 года собрали Земский собор, на котором пришли к компромиссу – Ивана как старшего избрали «первым царем», а Петра – «вторым». Правительницей же государства была поставлена Софья. Заметим, что Софью поставили именно правительницей, а не регентшей до совершеннолетия Ивана и Петра. Никакими сроками ее полномочия не ограничивались, и юридическая формула, по которой дети Алексея Михайловича получили власть, была как бы вечной, но шаткой.

Итак, с 1682 по 1689 год Софья стала править одна. Фактически впервые в русской истории у кормила государства стала женщина! Управлять страной ей помогал верный Василий Голицын. По сути, он стал ее первым министром.

Петра вместе с его матерью Натальей Кирилловной Нарышкиной отправили с глаз долой в подмосковное сельцо Преображенское, а вход в сени Ивана заложили дровами. По другой версии, Иван сам, отправившись в нужник, нечаянно задел поленницу, которая, рухнув, завалила дверь в это заведение. «Первый» царь просидел там несколько часов, не подавая голоса, пока его не кинулись искать ближние бояре. Так или иначе, ни Петр, ни Иван государственных дел не касались.

Чтобы закрепить свое положение, по инициативе Софьи Ивана, «первого царя», женят на Прасковье Салтыковой. Надеясь на рождение наследника, Софья, осознавая шаткость

своего положения, намеревалась продлить свое правление еще на неопределенное число лет.

Характеристику Софье мы уже дали – это была грамотная, образованная, властолюбивая и честолюбивая женщина. А кем же был ее избранник Василий Голицын? Он родился в 1643 году и был представителем влиятельного клана Голицыных из рода Гедиминовичей. Получил прекрасное домашнее образование, владел немецким, греческим, польским и латинскими языками. В 15 лет поступил чашником на придворную службу и вскоре достиг боярского звания. Выдвинулся при царе Федоре Алексеевиче, был пожалован многочисленными крестьянскими дворами. Был послан начальником войска на Украину для «бережения городов от прихода турецкого салтана». Участвовал в Чигиринских походах.

В его московском доме, по замечанию иноземцев, «убранном на иностранный лад, всегда ждала их гостеприимная встреча, тоже по-европейски». Василий Голицын собрал богатейшую библиотеку на русском и иностранных языках. Иностранцы в своих записках называли его «великим мужем», а польский посланник де ла Невилль назвал его даже «мужем великим, словно восставшим из хроник древних римлян». Французский посланник отзывался о нем так: «Этот князь Голицын, бесспорно, один из искуснейших людей, какие когда-либо были в Московии, которую он хотел поднять до уровня европейских держав. Он хорошо говорит по латыни и весьма любит беседу с иностранцами, не застав-

ляя их пить, да и сам не пьет водки, а находит удовольствие только в беседе».

Сам князь, начитанный в богословии, истории, философии, астрономии, медицине, был любезным и гостеприимным хозяином. Он умел поддерживать беседу и внимательно выслушивать собеседника. Переговоры с иностранными дипломатами велись в богато украшенных залах. Встречи послов, церемонии вручения верительных грамот поражали блеском и продуманно демонстрировали богатство и мощь России. Сам Василий Голицын ни в чем не хотел уступать первым лицам могущественнейших государств: ни во внешнем виде, ни в обращении. Его гардероб состоял из более чем ста костюмов, сшитых из дорогих тканей, украшенных алмазами, рубинами, изумрудами, расшитых жемчугом, затканых золотым и серебряным шитьем.

В общем, это был государственный муж, образованнейший и смелый человек, красавец, одаренный немалыми способностями. Неудивительно, что Софья выбрала именно его своим фаворитом. Почти сразу же он был назначен главой Посольского приказа. Поставить Голицына во главе внешнеполитического ведомства было крайне разумным ходом. Независимо от того, действовала ли Софья по наитию, унаследовав от своего отца умение разбираться в людях, или чисто по-женски осыпала милостями своего любовника, выбор был совершенно правильным.

После долгого затворничества в душных кремлевских те-

ремах 24-летняя царевна со всем пылом души отдалась красивому, умному, европейски образованному и обходительному мужчине, опытному не только в военных или приказных делах. Самому Василию в ту пору было 38 лет. Софья обладала пылким темпераментом, но еще не познала сладости любви. Теперь ее ум и сердце проснулись. С безумной смелостью она бросилась в водоворот жизни и отдалась подхватившей ее волне. Она любила! И жаждала власти. Она втянула в борьбу человека, без любви которого любой успех не дал бы ей удовлетворения.

Итак, Софье 25 лет, а Голицыну – 38. Их личные отношения сложились не ранее 1678 года. Кто был зачинателем их любовных отношений? В многочисленных источниках мы читаем – «любовник Софьи», «фаворит Софьи», «галант Софьи», «куртизан Софьи», но никогда не «любовница Голицына Софья». Как известно, мужчин выбирают женщины, хотя те и не осознают этого. Но может, инициатором их связи был все же Голицын? Ведь обратил же он внимание царя Федора на то, чтобы в сиделки взять именно Софью? Наверняка она ему понравилась. Василий в то время был уже женат, но жена, постылая богомолка, его явно не устраивала. С ней ему, образованному человеку, было неинтересно, даже поговорить не о чем. Их ничего, кроме церковного брака, не связывало, даже детей у них не было. А тут молодая, красивая, привлекательная женщина, да еще и царских кровей! Несомненно, Голицыну это обстоятельство льстило. А

может, их симпатия была взаимной? Вероятнее всего.

О характере их взаимоотношений говорить трудно, так как о том, что любовником Софьи был Голицын, мы знаем лишь из записок современников. Сохранились лишь два интимных письма царевны к Голицыну необычайно пылких и исполненных любви: «Свет мой Васенька», «увиджу тебя в объятиях своих» – это, несомненно, писала влюбленная женщина. Вот отрывок из второго письма: «Брела я из Воздвиженска, а от тебя отписка о боях, я не помню, как взошла, чла, идучи...» То есть она идет в Троицу на богомолье пешком, по дороге получила от Василия письмо, развернула его и на ходу читает. И даже не помнила, как пришла в монастырь, думая о Голицыне. Вот она, настоящая любовь... Кажется, Софья даже писала Голицыну любовные стихи. Не он ей, а она ему! Вот так женщина!

Об их связи ходило много слухов: о том, что они тайно обвенчались, о том, как она тайно «вытравила плод» их совместной любви, и даже о том, что Софья якобы требовала от Голицына развестись с супругой и жениться на ней. Мы об этом поговорим позже, а вот известный романист Иван Лажечников в своем романе «Последний Новик» (1831) даже вывел основного героя своего повествования – незаконнорожденного сына Софьи и Голицына, Владимира. Это, конечно же, вымышленное лицо, как вымышлена и его история – якобы Владимир, воспитанный в ненависти к Нарышкиным, противился всем преобразованиям Петра I и да-

же участвовал в антироссийском восстании в Лифляндии, но потом, «осознав историческое значение реформ Петра», принял его сторону. Этот опус был, несомненно, панегириком Петру I, да и вообще в литературе все, что связано с его именем, преподносится в превосходной степени, тогда как заслуги его предшественников на русском престоле незаслуженно принижаются. А уж тем более правление Софьи, прямой противницы Петра, и ее любовь к Голицыну. Однако о Петре мы поговорим отдельно, а пока поразмышляем вот о чем. Роман Софьи с Голицыным, конечно же, был ей в упрек. Ведь Россия – это вам не какая-нибудь Франция, а Кремль не Версаль и не двор какого-нибудь заштатного итальянского герцогства, где все сожительствуют со всеми и никого это не удивляет. Как ни странно, роман Софьи на ее положение русской правительницы никак не повлиял. Значит, допетровская Русь уже вполне созрела к тому, что на престоле будет сидеть женщина и распоряжаться собой по собственному усмотрению!

Василий Голицын был женат дважды. Первая его жена, княжна Федосья Долгорукая, умерла бездетной около 1685 года, то есть когда Софья и Василий уже были любовниками. Второй раз он женился на Евдокии Стрешневой и имел от нее четверых детей.

Разговоры о том, чтобы Голицын бросил свою супругу и женился на Софье, конечно, могли вестись, но это было невозможно по политическим мотивам. Дело было даже не

в том, что Василий был женат и его жена пока не собиралась умирать. Ради достижения власти в таких случаях жен убивали или в дальний монастырь постригали. Да бывало, что жены и сами, поняв, к чему дело идет, уходили в монастырь, пока им отравы не подсыпали. Здесь была другая проблема. Выйти замуж за Голицына – значит самой стать Голицыной, войти в его семью, хоть и княжескую, но не царскую, не имеющую прав на престол. Понятие морганатического (неравнородного) брака на Руси не было еще известно. Это в Англии середины XIX века королева Виктория, по замечанию А. Бушкова, вышла замуж за человека, стоящего ниже ее по происхождению, и, чтобы не делиться с ним властью, составила сложный брачный договор. Альберт, так его звали, получил забавное звание принца-консорта, был всем доволен и никогда не претендовал на власть. Брак оказался удачным; королева Виктория была в восторге от мужа – она ставила ему памятники и называла в его честь озера в Африке, но властью не делилась. Британия такое положение вещей приняла. Но Великобритания не Россия, да и времена не те; о женской эмансипации тут еще и слыхом не слыхивали. Так что если женщину на престоле общество того времени еще принимало, то ее брак попросту был невозможен.

Хорошо, а куда смотрел сам Василий Голицын? Не мог же он не осознавать двусмысленности своего положения? Почему он не действовал, раз уж был таким умным, опытным и талантливым? Что ему мешало отправить свою жену в мо-

настырь, обвенчаться с Софьей и самому стать московским царем? Ведь шанс был! Род Гедиминовичей был ничем не хуже рода Романовых, и даже древнее него. Да и время-то было переломное... Что ему стоило устроить государственный переворот? Ведь у стрельцов он пользовался непрерываемым авторитетом! Сомнений в верности Софьи у него быть не могло, как не было сомнений и в том, что она выйдет за него замуж. Так почему он так не поступил? Ответ, как это ни парадоксально звучит, был один – Василий Голицын был непростительно честным и порядочным для государственного деятеля. Он органически не был способным ни жену в монастырь сослать, ни устроить переворот. Для примера – ни один царь, следовавший рыцарскому кодексу чести, не смог удержаться на троне. Вспомним хотя бы историю Павла I. А самых лучших результатов добивались монархи, которые для достижения своих целей могли и яду подсыпать, и тайных убийц подослать, и головы рубить. Образец перед нами – Петр I даже сына своего не пожалел.

История учит – чересчур щепетильные, слишком порядочные люди редко оказываются способны захватить власть, а тем более удержать ее. Василий Голицын попросту был не способен использовать представившийся ему шанс – для этого ему пришлось бы переступить через себя и совершить нечто такое, что он считал гадким, подлым и недостойным.

Отметим еще одно обстоятельство – а что мешало Софье с Голицыным устранить своего основного конкурента, Петра?

Например, напоить его ядом или подослать наемных убийц? Тогда проблема бы решилась сама собой! Что им стоило, умным и сильным людям, один из которых водил сотысячные армии, а другая одним своим видом останавливала взбунтовавшихся стрельцов, сделать подлость? Ответ тот же – на подлость они были не способны, ни Василий, ни Софья. Совершив такое, они перестали бы быть самими собой. Поистине, эта пара и через триста лет вызывает к себе уважение.

А пока что Софья укрепляла свою власть. В документах она стала называться «Великой Государыней», расправилась с главой Стрелецкого приказа князем Хованским по прозвищу Таратуй (болтун), который хотел, используя бунт, сам стать царем (этот период в истории России получил название Хованщины, то есть беспредельной власти стрельцов), укротила раскольников. Ее имя с 1684 года начали чеканить на монетах, с января 1686 года титул самодержицы был закреплен официально.

Василий Голицын был пожалован званием воеводы и удостоен титула «Царственные большие печати и государственных великих посольских дел оберегатель», что было равнозначно титулу канцлера. Его заслуги перед Россией неоспоримы: он руководил дюжиной приказов, добился от Швеции подтверждения Кардисского мирного договора, заключил в 1686 году «Вечный мир» с Польшей, который положил конец столетним раздорам двух славянских государств, прославился во время Крымских походов 1687 и 1689 годов. Бу-

дучи главой Посольского приказа (министерства иностранных дел), он поддерживал отношения со всеми государствами Европы, азиатскими империями и ханствами, интересовался африканскими и даже американскими делами.

А еще он задумал широкомасштабный план преобразования России: освобождение крестьян, создание регулярной армии, введение подушной подати, учреждение постоянных посольств за границей, предоставление свободы вероисповедания и прочего. Голицын был убежденным западником и выступал за сближение России с европейскими государствами. Заметим, что планами Василия Голицына, а также его начинаниями в полной мере воспользовался его противник Петр I. Жалкий плагиатор!

Если же говорить в общем о правлении Софьи с Голицыным, то дадим слово князю Б. И. Куракину, кстати сказать, апологету Петра I, тем оно и ценнее: «Правление царевны Софьи началось со всякой прилежностью и правосудием и к удовольствию народному, так что никогда такого мудрого правления в Российском государстве не было. И все государство пришло во время ее правления в семь лет в цвет великого богатства, также умножились коммерции и ремесла, и науки почали быть латинского и греческого языку... и торжествовала тогда вольность народная». О самой Софье Куракин писал: «Великого ума и самых нежных проницательств, больше мужеска ума исполненная дева». Вот так – не зря же Софью называли Премудрой.

Время Крымских походов для Василия Голицына с Софьей стало переломным. Василий был командующим русской армией во время этих операций. Потом ему вменяли в вину эти «неуспешные» походы. Да, Крым, из которого постоянно вырывались татарские грабительские полчища, тогда завоеван не был. Однако при этом Россия выполнила свою сторону обязательств, взятую на себя по международным договорам, – 150-тысячное войско крымских татар не смогло больше оказывать помощь туркам в войне с Польшей и Австрией. Международный авторитет России неимоверно вырос, ведь эта держава оказалась способной остановить такого опасного врага, как крымский хан. Кроме того, Московское государство с того времени перестало платить дань Крыму как наследнику Золотой Орды, что тоже сказалось на его международном авторитете. Крым тогда завоевать было невозможно, и это было сделано только через сто лет – в 1783 году. Петр I, кстати, тоже пытался завоевать Крым, но потерял всю свою армию во время первого Азовского похода и половину – во время второго. Голицын же привел назад из второго Крымского похода практически всю 122-тысячную армию!

Царевна Софья Романова с Василием Голицыным правили уже семь лет – с 1682 по 1689 год. Недоброжелателей у них хватало, да и клан Нарышкиных не дремал – «законный, второй» царь Петр подрастал. То в сани к Голицыну прыгал наемный убийца, и слугам Василия с трудом удавалось его

скрутить. То у ворот его дома находили гроб, а том гробу записку, что если новый Крымский поход будет таким же безуспешным, то этот гроб ждет Голицына. То однажды поймали некоего Ивана Бунакова, который «вынимал след» у Голицына, то есть вырезал его след на земле ножом. Так делали колдуны, чтобы «испортить» обладателя следа. Под пытками Бунаков врал, что он-де сделал это по болезни: «и прежде бывало, что де ухватит меня болезнь, там землю и беру». Странная болезнь...

Как ни печально, больше всего их совместному правлению навредила сама Софья. Во время второго Крымского похода она нашла себе нового фаворита, Федора Шакловитого. Шакловитый был ближайшим сподвижником Голицына, даже его другом. Вместе с Голицыным они являлись ближайшими советниками Софьи по всем важнейшим вопросам управления государством. После казни Хованского именно его Софья назначила главой Стрелецкого приказа. Высокий, стройный, с выразительными чертами лица, он отличался той броской красотой, которая так нравится женщинам. Он сумел завоевать сердце Софьи и залезть к ней в постель. В то же время Федор был полнейшим ничтожеством, по замечанию современников. Причем Софья сделала это неожиданно, внезапно – еще в мае 1689 года, во время второго Крымского похода она писала Голицыну выше цитированное письмо, в котором были слова «как увижу тебя в объятиях своих», а уже в июле ее любовником стал Шакловитый.

Сказать, что для Голицына эта новость была шоком – ничего не сказать. Он был унижен, потрясен и раздавлен. Василий страдал и терзался. Он все задавал и задавал себе вопрос: почему она так с ним жестоко и бессердечно поступила? Но ответа не находил. За эти годы Василий успел искренне полюбить Софью и привязаться к ней. Жена давно умерла. И если в первое время это было плотское желание обладать понравившейся ему женщиной, то потом это чувство переросло в дружбу: дружбу, освященную великим чувством. С Софьей Василий был счастлив. Счастлив от сознания того, что она была рядом, был счастлив ловить ее взгляды, счастлив от интимной близости с ней. А когда человек влюблен и любим, у него все получается: и государственные дела, и военные, и дипломатические.

Предательство, казалось бы, верной ему возлюбленной сломило его дух. Он пребывал в растерянности и искренне не понимал, что случилось. Как она могла так поступить? Его Софья в объятиях другого! Да и кого – ближайшего друга! А что же сама Софья? Чем она думала, предавая своего единственного друга? Явно не «мужеским умом», а женским. Ведь кругом были враги, завистники и недоброжелатели! Ох, как трудно понять поступки женщин! Променять старого друга, которого она хорошо знала (я не сомневаюсь, что Голицын был с ней предельно искренен), неизвестно на кого! На красивого хлыща, который и в подметки Василию не годился! Может, он понравился ей в сексуальном плане?

Очень может быть, ведь Голицына она уже познала, а теперь ей захотелось чего-то новенького, неизведанного. Как он будет ухаживать за ней? Какие знаки вниманий оказывать ей? Каким он будет в постели и на что способен – наверняка Софья с замиранием сердца задавала себе эти вопросы. То, что она действовала спонтанно, необдуманно, не вызывает никаких сомнений. Это с ее стороны была безнравственная авантюра. А может, она уверовала в свою всесильность, как в будущем Екатерина II, которая меняла своих любовников, как перчатки? Или она изначально использовала Василия для удовлетворения своих политических амбиций? А после боярского возмущения «неудачными» Крымскими походами Голицына легко отвернулась от него и назначила своим новым фаворитом Шакловитого? Якобы потом, после Федора Шакловитого, она вступила в интимную связь с еще одним своим приближенным, монахом и священником Сильвестром Медведевым. Но это, скорее всего, уже выдумки петровского времени, чтобы опорочить Софью в глазах общества. Да и времени на это у нее уже не было. События развивались стремительно.

Последствия этого поступка Софьи были роковыми. Когда Голицын и Софья были вместе, они были непобедимы. Теперь же все изменилось. Раздавленный горем Василий отошел в сторону. В силу своей порядочности он не стал драться с Шакловитым на дуэли или пытаться вернуть Софью. Ведь это был ее выбор! А выбор женщины он в силу

своего рыцарского поведения не мог не уважать, если даже он был трижды неправильный и абсурдный. Если бы он лишил соперника жизни, поколотил Софью за ее неверность, этим бы дело и кончилось. Погоревала бы царица, конечно, но быстро бы и успокоилась. Однако Василий переступить через себя не мог – он был слишком деликатным, чтобы поднимать руку на женщину, и слишком честным для того, чтобы сыпануть яду Шакловитому. Честность и порядочность Василия Голицына и на этот раз сыграли с ним злую шутку, да и с Софьей тоже. Можно сказать, она пострадала из-за того, что Голицын не проявил твердости с ней, не совершил подлости в отношении Федора. В то же время и у Софьи путей отступления не было. Потом она, конечно, осознала, что совершила неверный поступок, но в силу своего гордого, самолюбивого характера признаться в этом не могла. Никому и никогда. За что и поплатилась.

А Федор Шакловитый, почувствовав себя на коне – как же, ведь он стал любовником самой правительницы России Софьи Романовой, развил бурную деятельность. И стал готовиться, ни больше, ни меньше, как к ее коронации!!! И это несмотря на то, что два законных царя, Иван и Петр, уже были. Не хватало только царицы, чтобы властная коллизия окончательно запуталась. Он заказал гравюру, на которой Софья была изображена в шапке Мономаха со скипетром и державой в руках, официально титуловал ее в дипломатических бумагах «благочестивой царицей Софьей», в об-

ход Посольского приказа, кстати. Заметим, что царевна замыслам своего нового любовника нисколько не противилась. Почему? Не могла же она не осознавать опасности такого положения? Или она всецело доверилась Шакловитому, попав под его влияние? Женскую логику вообще трудно понять...

Кроме этого недалекий Федор стал подстрекать стрельцов (напомним, что Шакловитый был главой Стрелецкого приказа) к бунту против клана Нарышкиных и убийству Петра. Рано или поздно, это неуравновешенное положение должно было качнуться в ту или иную сторону. Толчком к этому послужила женитьба Петра на Евдокии Лопухиной, а женатый человек в то время уже считался совершеннолетним. Как мы помним, Софью назначили правительницей не до совершеннолетия одного из царей – «первого», Ивана, или «второго», Петра, а, так сказать, пожизненно. Совершеннолетие одного из царей давало все же шанс на занятие престола. Однако еще в 1684 году «первый» царь, Иван, женился на Прасковье Салтыковой, что тоже доказывало его совершеннолетие, и ничего не произошло. Почему? Потому что, во-первых, Иван был из рода Милославских, как и сама Софья, а во-вторых, Ивана-то и за царя не почитали, так как он был «головой скорбный». Теперь главным претендентом на трон стал Петр. Как же это произошло?

В августе 1689 года в Кремле поймали трех человек с ножами. Под пытками они сознались, что их подослала «медведиха» (Наталья Нарышкина, мать Петра) с целью зарезать

Софью. Шакловитый тут же обвинил Нарышкиных в намерении убить Софью – чем не повод для бунта? Нарышкины, конечно, все отрицали.

Потом дело замяли, а безвестные бродяги, разгуливавшие по Кремлю с ножами, странным образом бесследно исчезли. Не исключено, что их тайно подослал сам Шакловитый. Судя по всему, Шакловитый пытался таким образом «сварганить дело» против Нарышкиных, но, когда к ним не потянулась однозначная ниточка, отказался от этой затеи. Ничтожество Федора проявилось и в этом – он не смог даже использовать такой «очевидный» факт, как «намерение» убить Софью.

Затем последовала акция клана Нарышкиных. Через несколько дней после поимки «убийц» Софьи ночью в Преображенское, где тогда жил Петр, прибежал некий человек с криком, что, мол, где-то в кустах сидят вооруженные люди, которые хотят «извести» Петра. Эта история еще туманнее предыдущей. Во-первых, этих злоумышленников никто и в глаза не видел. Почему они делали засаду именно на царя? И кто сказал, что их подослала Софья? Может, это были обыкновенные разбойники, которым было все равно кого резать и грабить. А может, кто-то просто устроился на ночлег в тех злосчастных кустах? Испугавшись шума, они запросто могли уйти от греха подальше. Вполне вероятно, что это была провокация, подстроенная все той же хитроумной «медведихой». Чем не повод для мятежа?

Как бы то ни было, но семнадцатилетний «второй» царь,

Петр, страшно испугался. Вернувшись пьяным из Немецкой слободы, он завалился спать. А тут такое известие! Не разобравшись, в чем дело, с пьяных глаз, в одной ночной рубашке он вскочил на лошадь и помчался в Троице-Сергиеву лавру. Там он отдался на волю монахов – спасайте, мол, святые отцы, убивают! На следующий день Сашка Меншиков привез ему кое-какую одежду. Но Петр наотрез отказывается выйти из-за толстых монастырских стен, и к нему из Преображенского вынужден был перебраться весь его двор. Клан Нарышкиных объявляет мобилизацию – по всей стране звучит призыв собирать дворянское ополчение в лавре и двигаться против изменщиков, якобы пытавшихся убить Петра Алексеевича.

Разумеется, Софья от своего имени тоже созывает ополчение, но уже в Москве. Только с ней уже не было верного друга Василия Голицына. Человек, пользовавшийся непрекаемым авторитетом в армии и среди боярства, уж он-то сумел бы навести порядок! Но Голицын, оскорбленный своей бывшей возлюбленной, во время этих событий уехал к себе в имение и жил там безвылазно. Кстати, идею Шакловитого о коронации Софьи он, умный и трезвый политик, не поддержал, считая ее несусветной глупостью.

Вопрос – а почему он не ринулся ей на выручку? Ведь момент-то был роковым, переломным! Он что, не мог переступить через свою гордость незаслуженно обиженного человека и кинуться на выручку Софье, попавшей в беду? Мы

не знаем, насколько велика была его обида и почему он так поступил... Может, он ждал от Софьи сигнала? А гордая женщина посчитала ниже собственного достоинства получать помощь от брошенного ею возлюбленного? Чувствовала свою вину перед ним?

Как бы то ни было, Софья осталась без опоры, а Шакловитый, это ничтожество, ничего не смог сделать для нее. В конце августа 1689 года Россия оказалась на грани гражданской войны. Но никаких решительных действий ни одна, ни другая сторона не предпринимала. Наоборот, Софью начали предавать. Постепенно из Кремля в Троице-Сергиеву лавру, к Петру, начали уходить стрельцы, бояре и, казалось бы, преданные ей, тысячу раз проверенные люди. Ушел в лавру и патриарх Иоаким, предположительный отец Петра. Наконец, Софья не выдержала и, решив запросить мира, отправила в лавру своих послов – те тоже будто растворились на монастырском подворье. Тогда она сама отправилась в лавру, но ее туда не пустили. Осознав, что ей больше ничего не добиться, она поселилась в Новодевичьем монастыре.

Почему так случилось, что страна выбрала Нарышкиных? Ведь большинство из перебежавших к Петру дворян, солдат и стрельцов руководствовались не соображениями о судьбах России, а собственными эгоистическими стремлениями, страхами и расчетами. Иногда, правда, это делали по прямому приказу своих начальников и благодетелей. Однако выбор у них, несомненно, был. Расчет на милость Нарышки-

ных, если они победят? Но ведь и Милославские не поспеют ради тех, кто посадит Софью на престол! Был ли это прямой подкуп со стороны Нарышкиных? Тоже сомнительно, ведь никаких особых богатств, ни возможностей раздавать придворные чины у них не было, а вот у Милославских они были! Да и претендент на трон у Нарышкиных был какой-то неказистый – «второй» царь, а вовсе даже не первый...

Так почему же страна все-таки выбирает Нарышкиных? Ответ один – это пол Софьи. Да, Россия была готова признать женщину правительницей, но не правящей царицей. Поэтому-то Россия и вручила власть клану Нарышкиных. Заметим, не Петру, а клану, у которого был «второй» царь, Петр. Петра, кстати сказать, в эти дни было не видно и не слышно. Кто сказал, что россияне выбрали Петра? А никто. Знали его мать «медведиху» Наталью Кирилловну, знали клан Нарышкиных, патриарха. Вот эти-то люди и шли к власти. А что же Петр? Он ни в каких переговорах не участвовал, не устраивал никаких альянсов, никого не уговаривал и не запугивал. Так было и в дальнейшем. Его, кстати сказать, Наталья Кирилловна до самой своей смерти в 1694 году, то есть еще 5 лет, к власти и близко не подпускала, а правила сама. По замечанию все того же Куракина, правление Натальи Кирилловны характеризовалось как «правление весьма непорядочное»: при ней процветали «мздоимство великое и кража государственная», на Россию обрушились «судейские

неправды» и прочие беды. Это ни в какое сравнение не идет с характеристикой правления Софьи, данной тем же Куракиным!

И еще одно замечание. Голицын и Софья – это реформы, это перемены, это движение вперед, чего боярство страшно боялось. А Нарышкины – это кондовый застой, который всех устраивал. Все, кстати, так и случилось – изменения, которые вводились при прежних царях, Алексее Михайловиче и Федоре Алексеевиче, были отменены (они еще не знали замыслов Петра, от которых Россия содрогнется!). Это еще один ответ на вопрос, почему Россия выбрала Нарышкиных.

Вернемся к нашим героям. Федора Шакловитого Софья, как ни жаль ей было своего нового любовника, была вынуждена отдать на расправу Петру. Это случилось в сентябре. После дыбы и пыток он сознался в злоумышлении против Петра, напоследок обвинив во всех смертных грехах Голицына. После собственноручного письменного «изъяснения» дела он 11 октября 1689 года был «казнен смертию».

А что же Голицын? Узнав о крахе Софьи, он решил сдаться на милость победителя, и вместе со своими немногочисленными приближенными сам явился к Петру в лавру. Его тоже туда не пустили и прямо у монастырских стен зачитали приговор. Он лишился боярского чина, всех званий, имущества и ссылался в город Каргополь, а затем в деревню Яренск. Его обвиняли в неудаче Крымских походов и взяточничестве: якобы при заключении «Вечного мира» получил от по-

ляков 100 тысяч рублей, за взятку в 10 тысяч назначил Ивана Мазепу гетманом Украины, два бочонка золота получил от крымских татар за остановку своих войск перед Перекопом во время второго Крымского похода, и так далее. Якобы у него после ареста в тайниках нашли 100 тысяч червонцев, 400 пудов серебряной посуды и другого добра. Обвиняли Василия также в «изповышении» (незаконном титуловании) царевны Софьи, в том, что он приказал пытать того самого колдуна Ивана Бунакова, который «вынимал» его след, а также сжечь человека, который готовил для него приворотное зелье, чтобы добиться благосклонности Софьи.

Навет Шакловитого, будто Голицын принимал активное участие в заговоре против Петра, еще больше усугубил положение Василия. Его с семьей было приказано перевести в Пустозерский острог, на низовья Печоры, а последним пунктом его ссылки стало село Колмогоры Архангельской губернии. За время этого пожизненного изгнания (25 лет!) он, великий государственный деятель, ничем себя не проявил. Не оставил своего жизнеописания (а ему было что рассказать потомкам!), не организовал антипетровского заговора... Жил под надзором вместе с семьей и малочисленной дворней на казенные «кормленные» деньги, занимался небольшим хозяйством. Проживая в ссылке, Голицын любил посещать Красногорский монастырь, которому завещал перед смертью самое дорогое, что у него было, – подарки Софьи. Это был лично вышитый ею образ Богоматери, плаща-

ница и воздух (покров для сосудов с причастием). Свое последнее пристанище он нашел в том же монастыре в апреле 1714 года.

Вспоминал ли он за эти годы Софью? Несомненно, вспоминал. Она часто снилась ему по ночам, с ней он вел мысленные беседы, в которых задавал ей один и тот же вопрос: почему она так с ним несправедливо, жестоко поступила?... Но и спустя годы он на него ответа так и не находил. Во снах, как и жизни, она была не с ним... Он жил только памятью о той единственной, которая принесла ему так много счастья и так много горя. Он все еще любил ее....

Говорят, что время лечит душевные раны. Все это чепуха! Сначала, после внезапного разрыва отношений, испытываешь невыносимую боль от того, как поступили с тобой, затем стараешься забыть и сам объект вожделений, и ее поступок, но по прошествии времени боль от утраты дорогого тебе существа не только не утихает, но еще больше усиливается, тлеет, как угли под тонким слоем пепла.

Возникает вопрос: если бы у Софьи был выбор, уехала ли бы она с ним в ссылку? Ведь они оба потерпели поражение, оба перенесли трагедию, логично было бы и коротать оставшиеся годы вместе. В литературе воспевали жен декабристов, вслед за мужьями отправившихся в ссылку. Из-за этого даже появилось такое расхожее выражение, как «жена декабриста», подразумевающее принесение себя в жертву ради любви к мужу. Однако это неправда – в ссылку уехало 135

декабристов, и лишь за пятью последовали их жены!

Софья, конечно же, с Голицыным в ссылку не поехала. И виной тому была отнюдь не она сама. Во-первых, им строжайше было запрещено не то что общаться, а даже переписываться. Голицыну, кстати, как раз ставили в вину то, что он в первой ссылке имел сношения с Софьей. Во-вторых, Софья в Новодевичьем монастыре тоже пребывала под надзором. Она проживала в отдельной келье, имела женскую прислугу, могла общаться с приезжавшими к ней сестрами. Еда у нее была с царского стола, в общем, жизнь у нее была довольно комфортной. Все это претило характеру деятельной и энергичной женщины, но поделаться с этим она ничего не могла.

Все изменилось через 9 лет, в 1698 году. В этом году опять взбунтовались стрельцы. Петр учинил сыск над ними и жестокою расправу. Софью обвинили в том, что она якобы писала стрельцам «призывные письма», а они составляли ей челобитные с просьбой прийти на царство. Петр лично допрашивал свою сводную сестру, она все отрицала. Софья уже смирилась со своей участью и ни на что не претендовала. Обвинение было ложным. Наконец, в декабре 1698 года над Софьей был устроен суд. Петр обошелся с ней довольно мягко, а мог и голову отрубить, но решил напоследок поиздеваться. Через десять дней ее постригли в монахини под новым именем Сусанна. Под окнами кельи Софьи были повешены 195 стрельцов, причем трое из них с привязанными к их рукам теми самыми «челобитными» к Софье. Целых пять месяцев

висели, раскачиваясь на ветру, разлагающиеся трупы. Пять месяцев бывшая царица с ужасом смотрела на них и вдыхала трупный запах. Фактически, Софья находилась в монастыре под арестом и строгой охраной. Так провела остаток своей жизни, еще долгих 6 лет, бывшая правительница России. Она умерла в 1704 году, перед смертью приняв схиму под своим прежним именем – Софья. Ей было всего 47 лет.

Вспоминала ли она во время своего заточения о «свете моем» Василии Голицыне? Хочется верить, что вспоминала. Вспоминала его поцелуи, его ласки, его объятия...

Так трагически закончилась история любви этих двух великих людей – Софьи Романовой и Василия Голицына.

**Царь Петр I Алексеевич.
Дракон Московский**

14 марта 1719 года в Петербурге при стечении большого количества народу Мария Гамильтон взойшла на эшафот, где ее уже ждала плаха и стоял палач с топором. На церемонии казни своей бывшей любовницы присутствовал сам Петр I. Он участливо простился с осужденной на смерть, поцеловал ее, попросил молиться за всех грешных, остающихся на земле. Поднимаясь по ступенькам, Мария от страха пошатнулась и чуть не потеряла сознание, но царь заботливо поддержал ее под руку и помог сделать последний шаг к смерти. Палач грубо схватил ее за волосы, заставил опуститься на колени, положить голову на плаху и взмахнул топором. Раздался глухой удар, толпа ахнула, и голова Марии упала на сырые доски эшафота. Петр I широкими шагами подошел к ней, наклонился, схватил за испачканные кровью волосы, поднял и крепко поцеловал в мертвые губы! Потом он показал голову застывшим от ужаса собравшимся и прочел лекцию по анатомии, большим знатоком которой он был, называя по латыни все затронутые при отсечении позвонки. По свидетельствам очевидцев, после этого Государь небрежно бросил голову в грязь, размашисто перекрестился и ушел, бросив через плечо: «В кунсткамеру!»

Прежде чем приступить к рассказу о следующем герое нашего повествования, Петре I, нужно определить, к какой гла-

ве нам отнести этот рассказ. Поскольку данная глава называется «Эпоха царей», то, значит, и включать в себя она должна этюды только о царях. Однако Петр I сначала, в 1682–1721 годах, был царем и только затем стал императором и был им до самой своей кончины в 1725 году. Арифметика тут простая: 39 лет царствования против четырех лет императорствования, если можно так сказать. Так что с полным основанием Петра I будем считать царем.

О реформах Петра мы тоже говорить не будем, так как данный сюжет не является темой нашего рассказа. Скажем лишь, что, согласно устоявшемуся мнению, а вернее, распространенной пропаганде, все преобразования Петра являются прогрессивными и передовыми, а до него Русь якобы была каким-то замшелым и отсталым средневековым царством. Факты, впрочем, говорят об обратном: Петр I не придумал решительно ничего нового, и все его реформы – лишь уродливо искаженные, гипертрофированные и весьма бездарные продолжения тех процессов, которые начались задолго до него.

А. С. Пушкин говорил о Петре, что все его указы «как будто писаны кнутом».

Лев Толстой, сначала почитавший Петра, задумав написать о нем роман и начав собирать материалы, позже выразился так: «Был осатанелый зверь... великий мерзавец, благочестивый разбойник, убийца... забыть про это, а не памятники ставить!»

«Дракон Московский» – именно так сказал о нем М. А. Булгаков.

Николай II отозвался о нем мягче (как-никак, родственник): «Я не могу не признать больших достоинств моего предка... но именно он привлекает меня менее всех... Он уничтожил русские привычки, добрые обычаи, взаимоотношения, завещанные предками».

Вот о взаимоотношениях-то мы и поговорим. И поскольку тема нашей книги – любовь, о взаимоотношениях с женщинами Петра I мы и расскажем.

Предваряя наше повествование, чтобы ни у кого не было иллюзий, сразу скажем – Петр I никогда и никого не любил. Ни своих женщин, которых у него было не счесть, ни детей, рожденных от них, вообще – никого! А что же женщины? Любили ли они Петра? На этот вопрос можно ответить однозначно – любила лишь одна, законная жена Евдокия Лопухина, да и то только самое непродолжительное время – всего около года. А остальные пользовались Петром или ради удовлетворения своей похоти, или ради выгод, либо панически боялись его, причем последних было значительно больше.

Петр повзрослел рано. Времяпровождение у него было одно – занятия с потешным войском, постройка ботиков и лодок на Яузе-реке, а также веселые забавы в Немецкой слободе – Кокуе. Веселый образ жизни включал, разумеется, употребление спиртного и общение с женским полом; при этом особой целомудренностью юный царь не отличался. В

Немецкой слободе он познакомился со швейцарским офицером Францем Лефортом. А тот, в свою очередь, познакомил его со своей любовницей, 17-летней Анной Монс, дочерью трактирщика. Петр и Анна были одногодками, оба 1672 года рождения. Анна Монс была по происхождению немкой, младшей дочерью то ли золотых дел мастера, то ли виноторговца и заядлого картежника из Вестфалии. Заметим, что в Россию иностранцы приезжали по трем причинам: желая стать офицером на русской службе, по купеческим делам или по причине неладов с законом в Европе. Так что если отец Анны был картежником, то вполне понятно его появление в России: небось, в карты кого-то обжулил, и бежать ему было просто некуда, кроме как в «дикую» Московию.

Анна, по словам одного из современников, была «девица изрядная и умная», а другой, напротив, находил, что она «посредственной красоты и разума». Как бы то ни было, но веселая, любвеобильная и находчивая хохотушка, всегда готовая пошутить, потанцевать или поддержать светский разговор, завладела сердцем Петра. Франц Лефорт, не будь дураком, подсунул ему свою бывшую любовницу, предчувствуя для себя немалые выгоды. С тех пор Петр все время проводил в обществе Анны Монс.

В 1688 году, когда Петру не исполнилось еще и 17 лет (приблизительно в то же время, когда он познакомился с Анной), его мать, Наталья Кирилловна Нарышкина, задумала женить сына. Вообще-то с женитьбой можно было бы и по-

дождать, но политические обстоятельства заставляли царицу действовать. Страной правили Софья с Голицыным, все набирая силу, и им с сыном всю жизнь предстояло провести не у дел. Столь ранний брак Петруши должен был существенно изменить его положение, а заодно и самой Натальи Кирилловны. По обычаям того времени женатый юноша становился совершеннолетним и в данном случае уже мог претендовать на власть. Правление Софьи, как мы помним, по уговору формально должно было продолжаться лишь до совершеннолетия братьев, Ивана и Петра, хотя и никакими сроками оно не ограничивалось. «Медведихе» хотелось поскорее выгнать из Кремля ненавистную падчерицу Софью и самой занять ее место.

Был и еще один расчет в планах хитроумной царицы Натальи – защитить потомство Петра от притязаний наследников его сводного брата, «первого» царя, Ивана, который к этому времени был уже женатым человеком и ждал прибавления семейства. Кроме того, «медведиха» этим актом пыталась оградить Петра от недостойных привычек, почерпнутых им в Немецкой слободе, привязать к семейному очагу.

В жены Петруше она выбрала Евдокию Лопухину, дочь незнатного боярина Иллариона Лопухина, обладавшего многочисленными родственниками. Разумеется, она выбрала себе в невестки девушку попроще, «дабы та из воли не выходила». Девчонкой она по «отцовской деревеньке убогой в лапотках бегала». В то время отец невесты был стрелецким

головой. «Медведиха», таким образом, пыталась воспользоваться новой родней и стрельцами в борьбе за власть. К тому же Авдотья была воспитана в лучших традициях старомосковского домостроя, что очень нравилось Наталье Кирилловне. «Старина, она есть старина, это лучше всяких новомодных перемен», – примерно так рассуждала царица.

Вопрос о женитьбе Петра был решен без всякого согласования с женихом, да в то время этого и не требовалось. Невеста была старше жениха – ей уже было 20 лет, девица, так сказать, в самом соку. Ее истинное имя было Прасковья, но перед свадьбой его поменяли на Евдокию. По поверьям, это должно было отвести от нее порчу. Заодно изменили имя и ее отца – теперь вместо Иллариона он стал зваться Федором.

Евдокия Лопухина слыла красавицей, по отзывам современников, «принцесса лицом изрядная, токмо ума посреднего и нравом несходная своему супругу». Венчание царственной пары состоялось 27 января 1689 года, но с первых же месяцев у молодых начались нелады. Воспитанная по старине, набожная и благочестивая, Евдокия не могла привлечь к себе энергичного мужа и не разделяла его увлечений, а они сводились к бабам, пьянству, табаку и «марсовым делам». Надежды Натальи Кирилловны на привязанность Петра к семье не оправдались – Авдотья не имела ни малейшего влияния на мужа.

Она не разделяла взглядов Петра и не могла простить мужу частых отлучек из дома. Желая размеренной старозавет-

ной жизни, она не хотела менять своего привычного уклада; все это привело к возрастающей неприязни между супругами. Ей бы хотелось целоваться-миловаться с «лапушкой Петрушей», да вместе читать молитвы, да поговорить с блаженными и юродивыми, чего Петр решительно терпеть не мог. Это тот, к сожалению, нередкий случай, когда родители только навредили юноше и девушке, насильно объединив их в одну семью. Особенно Евдокию воротило от связи Петра с Анной Монс, о которой она вскоре узнала.

Один из очевидцев писал об Авдотье и Петре, что «любовь между ними была изрядная, но продолжалась токмо год». Возможно, что охлаждение отношений между молодыми супругами наступило значительно раньше, так как сразу же после медового месяца Петр оставил Евдокию и укатил на Переяславское озеро заниматься «нептуновыми потехами». Сохранилось несколько писем Евдокии к Петру и не сохранилось ни одного ответа от него. В 1689 году, когда он отправился на Переяславское озеро, Авдотья обращалась к нему с такими нежными словами: «Здравствуй, свет мой, на множество лет. Просим милости, пожалуй, государь, буди к нам, не замешкав. А я при милости матушки твоей жива. Женишка твоя Дунька челом бьет». В другом письме, адресованном «лапушке моему», она просила разрешения самой приехать к нему на свидание. Еще два письма Евдокии относятся к более позднему периоду времени, к 1694 году. Последнее из них полно грусти и печали одинокой женщины,

которой хорошо известно, что она покинута ради другой. В этом письме уже не было обращения «к лапушке», Авдотья не скрывала своей горечи и не смогла удержаться от упреков, называла себя «бесчастной», сетовала на то, что не получает в ответ на свои письма «единой строчки». Не укрепило семейных уз и появление на свет в 1690 году сына Алексея. Еще два сына, Александр и Павел, умерли в младенчестве.

Евдокия Лопухина не смогла удержать мужа возле себя. Ей были противны его пьяные оргии, курение табака, панибратство с простолюдинами (ведь царь же!), а ему – набожность и благочестивость жены. Супруги все больше отдалялись друг от друга. При встречах она просила Петра порвать с Немецкой слободой и выгнать «мерского Алексашку Меншикова». На это царь сердился и уезжал к «подлой Монсихе». Не ладилась у Евдокии и отношения со свекровью. Царица Наталья все время попрекала ее худородством и обвиняла в том, что она не может удержать Петрушу.

А потом случился августовский переворот 1689 года. Софья была вынуждена переселиться в Новодевичий монастырь, Василия Голицына отправили в ссылку. Петр стал настоящим, а не «вторым» царем. Только после этого Евдокия перебралась в Кремль, но и там ей отвели самые дальние палаты. Но Петр и здесь не посещал ее, даже не приехал на похороны своего сына Александра. Евдокия стала ненавидеть мужа, да и родственники Лопухины стали нашептывать ей: «Погоди, случись что, и ты будешь царицей...», – намекая

на разгульный образ жизни Петра. Клан Лопухиных открыто выражал недовольство поступками Петра.

А что же Анна Монс? Она радовалась жизни, и ее несколько не заботили переживания Евдокии Лопухиной. Положение, которое она заняла при Петре, сулило ей немалые выгоды. Она всюду сопровождала царя, была рядом с ним даже на разных торжествах и пирах. Первоначально их связь всячески скрывалась, и за ее разглашение полагалось жестокое наказание, но потом это перестало быть секретом, и любовники словно бросали обществу вызов, не скрывая своих отношений.

Вряд ли «чувственная красавица, образец женских совершенств», как о ней отзывались немцы, любила Петра. Она отдалась ему исключительно из соображений выгоды. Анна полагала, что Петр не поскупится для нее и обеспечит всю ее семью. Петр, действительно, дарил ей дорогие подарки (это особенно удивительно, если знать, насколько он был скуп с женщинами). Имеются предположения, что все разговоры с Петром она передавала своему бывшему любовнику Лефорту, который таким образом был осведомлен обо всех его делах, даже альковных. Хитрый швейцарец хотел влиять на царя и способствовать реализации интересов иностранцев в России.

Тем временем в 1694 году умерла мать Петра Наталья Кирилловна Нарышкина. Наконец он стал самовластным государем. До этого мать не подпускала его к государственным

делам и правила сама. Есть сведения, что она, наоборот, тайно развивала в нем дурные наклонности – пьянство, разврат, разные безумные выходки, лишь бы он не лез в государственные дела. С женой она его тоже ссорила преднамеренно, чтобы ее сын не имел тыла в собственной семье и не смог серьезно начать с ней борьбу за трон.

Теперь у Петра руки были развязаны, и он мог вытворять что хотел. В первую очередь он решил избавиться от законной жены Евдокии Лопухиной. Лопухину еще называли царицей, она проживала с сыном Петра Алексеем в Кремле, но ее родственники, занимавшие видные государственные посты, попали в опалу. Сначала от двора были удалены отец царицы Евдокии и два ее дяди. Отца без всяких объяснений отправили в ссылку, а дядьев – воеводами в отдаленные местности. Потом он принялся за саму Авдотью. Путь ей был один – в монастырь; казнить, как он это практиковал в дальнейшем, у Петра еще привычки не было. Молодой еще был царь и не такой кровожадный.

Итак, официальных поводов отправить Евдокию в монастырь было два: бесплодие и прелюбодеяние. Однако поводов к этому Лопухина не давала – исправно рожала Петру детей. Тогда ближним боярам Льву Нарышкину и Тихону Стрешневу было поручено добыть от Евдокии признание в прелюбодеянии. Ничего из этого у них не получилось: «И мы о том говорили прилежно, чтобы учинить во свободе, и она упрямитца». Петр не отступал – он приказал Федору

Ромодановскому, ведавшему Приказом тайных дел, о котором говорили: «Собою видом как монстра, нравом злой тиран», – силой вырвать у нее признание. Но и у этого «тирана» ничего не получилось. Евдокия была тверда как камень, а признаваться ей было не в чем. Видя, что у его подручных ничего не выходит, Петр решил сам провести с ней беседу. Она продолжалась четыре часа. Все напрасно. Несолоно хлебавши Петр в 1697 году уехал за границу в Великое посольство. Уже оттуда, из Лондона, он приказал Ромодановскому во чтобы то ни стало заточить жену в монастырь.

Тем временем Петр за границей ударился во все тяжкие. Известно о его краткой связи с английской актрисой Летицией Кросс, которой Петр за ночь любви заплатил 500 гиней. Известна и история о том, как он пообещал дочери одного пастора жениться на ней и сделать царицей. Пастор, простая душа, поверил Петру, но как только Петр лишил девушку невинности, сразу же забыл о своем обещании и отослал ее назад к отцу, заплатив 2000 гиней. Известно и о других его амурах за границей с неизвестными женщинами, которых было не счесть.

Поскольку Ромодановский своей задачи не выполнил, Петр решил действовать вопреки закону. Сразу же после своего возвращения из-за границы в 1698 году Петр приказал насильно постричь Евдокию в монахини. Местом ее заточения должен был стать Суздальский Покровский монастырь. Архимандрит обители, видя такую несправедливость,

отказался постричь Евдокию в монахини, за это его арестовали. 29-летняя Дуня, молодая женщина, отчаянно сопротивлялась постригу; ей не хотелось заживо замуравывать себя в холодный склеп монастырской кельи – ей хотелось жить! Целых два месяца ежедневно специальный посланник Петра уговаривал ее согласиться.

В конце концов в нарушение всех законов и монастырских уставов она насильно приняла постриг под именем Елены. Никакого содержания от казны ей назначено не было и не определено никакой прислуги; все необходимое, в том числе и еду, она получала от родственников. Она терпела недостаток в самом необходимом и не раз обращалась к своему брату Абраму Лопухину с просьбами о присылке пищи. «Хоть сама не пью, так было бы чем людей жаловать... здесь ведь ничего нет, все гнилое. Хоть я вам прискучила, да что делать? Покамест жива, да кормите, да одевайте нищую». Евдокия из царицы действительно превратилась, «благодаря» мужу, в нищенку.

Поскольку постриг Евдокия приняла лишь номинально, она всего полгода носила иноческое облачение, а после стала жить в монастыре обычной мирянкой. Постепенно о старике Елене, бывшей царице Евдокии, стали забывать. Избавившись от жены, Петр не проявлял к ней никакого интереса, и она получила возможность жить, как ей хотелось.

А Петр, удалив жену в монастырь, серьезно занялся Анной Монс. Он щедро одаривал ее за ласки. Обычно скупо-

ватый, ей и ее матери он пожаловал 708 рублей годового содержания. Анне подарил огромный каменный дворец в Немецкой слободе, построенный специально для нее, и свой миниатюрный портрет величиной с чайное блюдце, усыпанный бриллиантами, ценой в 1000 рублей. В архивах Преображенского приказа зафиксировано неподдельное изумление немецкого портного Франка при виде роскошной опочивальни, которая была «красотой всего дворца». Царь решил: главное – чтобы спальня, в которой он часто бывал, была удобной и красивой. В 1703 году, хотя и не без некоторых колебаний, Петр преподнес в подарок Анне поместье Дудино (295 дворов) в Козельском уезде. Родственники Анны Монс также получили богатые имения. А разных драгоценных безделушек, таких как кольца, колье, мониста, браслеты, сережки и прочее, подаренных ей Петром, было вообще не счесть.

Очевидно, что Анна нисколько не любила Петра и вступила с ним в связь исключительно ради собственной выгоды. Ее аппетиты постепенно росли. Пользуясь расположением царя, она выпрашивала у него все новые и новые подачки. Причем, действительно, будучи женщиной «посредственного разума», часто прибегала при этом к нехитрым приемам. Например, она писала к нему: «Умилостивись, государь царь Петр Алексеевич! Для многолетнего здравия цесаревича Алексея Петровича своя милостивый указ учини – выписать мне из дворцовых сел волость». Вот так. За здра-

вие цесаревича Алексея, к которому она вообще никакого отношения не имела и который из-за нее же был оторван от своей матери, подарить ей целую волость!

Анна ничем не выказывала своей любви к Петру и лишь однажды послала ему подарок: «четыре цитрона и четыре апельсина», чтобы Питер «кушал на здоровье», да цедроли в скляницах («больше б прислала, да не могла достать»). Ах, щедра, матушка, щедра! Писала она ему на немецком языке, реже – на голландском, а русские тексты для нее писал личный секретарь. Подписывалась она так: «верная слуга».

Петр тем не менее потакал всем просьбам своей пассии и даже всерьез думал на ней жениться. А Анна, почувствовав свою силу, стала вмешиваться в разные тяжбы и споры, начала ходатайствовать перед царем как за немцев, так и за русских, не забывая при этом и себя, конечно. Петр принимал это как должное, не прекращая при этом любовной связи с подругой Анны, Еленой Фадемрех, от которой он также получал записки.

Неизвестно, как долго все это продолжалось бы, если бы не случай. Однажды в 1703 году, в самом начале Северной войны случайно утонул саксонский офицер Кенигсек, незадолго до этого принятый на русскую службу. Просматривая бумаги Кенигсека, царь обратил внимание на некие письма, написанные женщиной. Содержание писем не оставляло сомнений – он находился с этой женщиной в интимных отношениях. Присмотревшись внимательно, Петр похолодел – он

узнал почерк Анны Монс! Оказывается, Анна ему изменяла! Это стало для него страшным открытием. Вне себя от гнева он приказал позвать Анну. Та, покраснев, созналась – ведь доказательства-то были на руках! Услышав ее признание, царь, этот железный человек, вдруг заплакал и якобы разразился следующей тирадой: «Забываю все, я тоже имею слабости. Я не буду вас ненавидеть и обвиняю только собственную доверчивость. Продолжать мою любовь с вами – значит унижить себя. Прочь! Я умею примирить страсти с рассудком. Вы ни в чем не будете нуждаться, но я вас больше не увижу».

Согласно другим источникам, он сказал: «Чтобы любить царя, надлежало бы иметь царя в голове».

Так или не так изъяснялся Петр, но слова своего он не сдержал. Анну и ее сестру (возможно, способствовавшую связи с Кенигсеком) посадили под домашний арест. Им даже запретили посещать кирху. За что, спрашивается? Анна Монс была свободной женщиной и могла любить, кого хотела – хоть царя, хоть саксонца. Но это по справедливости, а справедливым с женщинами Петр никогда не был. Конечно, Петр и Анна были любовниками много лет, и царь уже привязался к ней, но того, что она отдалась другому, он простить не мог. Ревность! Вот то страшное чувство, которым руководствовался Петр. По-человечески его понять можно. Но простить нельзя. По какому закону он заточил Анну? Ни до, ни после Петра не было таких законов, чтобы лишать сво-

боды изменившую любовницу. Петр поступил так по своему личному произволу. Ну, избил бы ее своей знаменитой тростью, ну, отобрал бы у нее дворец (все-таки на казенные деньги построенный) или отослал бы ее с глаз подальше – а то сразу под арест! Да к тому же отобрал у нее все свои подарки – уж подарки-то мог бы и оставить, все-таки она их заслужила, доставляя Петру удовольствие. Дворец, кстати, и имения он тоже отобрал. Анна ни за что не хотела отдавать подаренный ей тысячерублевый портрет Петра с бриллиантами, говоря, что это память о нем. Драгоценную миниатюру пришлось оставить ей.

Известие об «измене» Анны распространилось быстро. Слухи об этом дошли даже до бывшей жены Петра Евдокии Лопухиной, и та радовалась, что «шлюха» наставила ему рога. Три года Анна Монс провела в заточении, пока за нее не начал ходатайствовать прусский посланник Георг Иоганн фон Кейзерлинг, задумавший жениться на ней. Сказать, что это была любовь, нельзя. Чертовски привлекательная Анна очаровала посланника и уговорила его заняться ее судьбой. Благодаря настойчивости и всевозможным ухищрениям ей это удалось. Петр к этому времени уже поостыл, вернее, охладел к Анне, так как у него появилась новая пассия, Марта Скавронская, и из-под ареста выпустил. Освобождение Анны пришлось на 1706 год.

Однако авантюристка на этом не успокоилась. В том же году она была обвинена в ворожбе с целью снова привлечь

к себе внимание Петра и опять угодила в тюрьму. Обвинение в колдовстве в петровскую эпоху было одним из тягчайших преступлений, и за это полагалось суровое наказание. Это тебе не измена любовнику! Заодно с Анной в тюрьме томились более 30 человек, косвенно связанных с этим делом; некоторые вообще не знали, за что сидели. Расследование этой туманной истории закончилось только в 1707 году освобождением Анны из-под стражи. Не мстил ли Петр таким образом своей бывшей любовнице? Как знать...

Кейзерлинг все добивался от Петра разрешения жениться на Анне. В ответ на его просьбу царь однажды ответил пруссаку, «что он воспитывал девицу Монс для себя, с искренним намерением жениться на ней, но так как она мною прельщена и развращена, то ни о ней, ни о ее родственниках ни слышать, ни знать не хочет». Разрешение на свадьбу Анны Монс с Кейзерлингом было получено только в 1710 году, и свадьба состоялась в июне 1711 года в Немецкой слободе. Через некоторое время Кейзерлинг, явно по наущению Анны, воспользовавшись хорошим настроением Петра, решил выпросить хлебное место для брата своей бывшей фаворитки Виллима. Петр резко оборвал посла, повторив: «Я держал твою Монс при себе, чтобы жениться на ней, а коли ты ее взял, так и держи ее, и не смей никогда соваться ко мне с нею или с ее родными!» Петра поддержал и Александр Меншиков: «Знаю я вашу Монс! Хаживала она и ко мне, да и ко всякому пойдет. Уж молчите вы лучше с нею!» Эта беседа

проходила на пиру у одного польского пана в окрестностях Люблина. Кончилось все это для Кейзерлинга скверно: пьяные Петр с Меньшиковым вытолкали надоедливого посланника за дверь и с позором спустили его с лестницы. Особа посла неприкосновенна, но Петру на эти дипломатические тонкости было наплевать. Неумный пруссак подал на Петра жалобу, но обвинили его же и заставили извиниться.

А через полгода после свадьбы Кейзерлинг внезапно умер по пути в Берлин. Анна овдовела. На протяжении последующих трех лет она вела тяжбу с родственниками мужа за его курляндское имение и находившийся при нем алмазный портрет Петра. Эта тяжба завершилась в пользу Анны Ивановны Монс. К этому времени веселая вдова была уже обручена с пленным шведским офицером Карлом фон Миллером, проживавшим в Немецкой слободе. Но их совместная жизнь продолжалась недолго – Анна Монс скончалась от чахотки 15 августа 1714 года на руках матери-старухи и пастора, в беспомощности вспоминая какую-то сироту. Уж не ребенка ли от Петра она имела в виду? От Кейзерлинга у нее было двое детей, судьба которых осталась неизвестной. Ей было всего 42 года.

А что же Евдокия Лопухина, то бишь монашенка Елена, что с ней стало? Ее печальная история также весьма любопытна. Она по-прежнему проживала в Суздальском Покровском монастыре. Петр, казалось, про нее уже совсем забыл. Церковники, как могли, поддерживали Евдокию. Мо-

нахи стали выпускать ее в родовое село Дунилово, которое ей было пожаловано в день свадьбы. Царица вновь надела светское платье и стала принимать людей. Вокруг Евдокии организовался кружок приверженцев старозаветной жизни, которым петровские перемены были не по нутру. Они надеялись, что скоро наступят времена, когда ее сын Алексей станет царем. Епископ Ростовский Досифей пророчествовал, что она снова станет на Москве царицей. Были у нее и другие доброжелатели, были и поклонники. Красивая, молодая, привлекательная 40-летняя Евдокия Лопухина, соломенная вдова, вдруг... влюбилась! К ней пришла большая любовь, запоздалая, но бурная. Ведь она еще, по сути, так и не любила! Петр не в счет – она только хотела верить, что любит его, и у них, может быть, все сложилось бы, если бы не разные характеры. Двадцатилетняя Евдокия тогда, в год их свадьбы, была наивной и невинной простушкой, а сейчас она стала умудренной жизнью женщиной, познавшей и многочисленные измены мужа, и ссылку в монастырь. В 1710 году суздальский протопоп Андрей Пустынный познакомил ее с генерал-майором Степаном Глебовым, который приехал в Суздаль набирать солдат. Между ними сразу же вспыхнула симпатия, а вскоре пришла и любовь. Ласки бывшей царицы так понравились Глебову, что он забыл обо всем. Епископ Досифей даже обещал их тайно обвенчать. Но их роман был совсем коротким. По одной версии, brave генерал, испугавшись связи с царицей, добился перевода в другую часть,

а по другой – быстро охладел к монашке Елене и отправился покорять новые женские сердца.

Как бы то ни было, но Евдокия очень жалела об их разлуке и писала ему такие, например, письма: «Забыл ты меня так скоро. Не угодила тебе ничем. Мало, видно, твое лицо и руки твои, и все члены твои и суставы рук и ног политы моими слезами... Свет мой, душа моя, радость моя! Видно, приходит злопроклятый час моего расставания с тобой. Лучше бы душа моя с телом рассталась! Ох, свет мой! Как мне на свете жить без тебя? Как быть живой? И только Бог знает, как ты мне мил. Носи, сердце мое, мой перстень, люби меня, я такой же себе сделаю... я тебя не брошу до смерти». Эти письма говорят об истосковавшейся по любви Евдокии, как о темпераментной, пылкой, живой и чувственной женщине. А сколько в них страсти и тоски!

Невольно поражаешься бесстрашию влюбленных, живших в жестокий век Петра. Отважный генерал проникает ночью в келью монахини и наслаждается любовью пусть и бывшей, но все-таки царицы! Многим подданным эта мысль и в голову не пришла бы. А уж доверять такое бумаге не каждая женщина решится! А она решилась...

Связь Глебова и Евдокии открылась случайно. В 1718 году, когда началось следствие по делу царевича Алексея, выяснилось – он поддерживал контакты с матерью, что ему было строжайше запрещено. В Суздальский женский монастырь нагрянула следственная комиссия в составе капитана

Скорнякова и поручика Писарева. Во время обыска в келье Евдокии была найдена ее переписка со Степаном Глебовым. Схватили и его. У монахов под пытками выяснили, что Евдокия «блудно жила» и «многожды» пускала к себе Степана. Петр, узнав о тайных похождениях своей бывшей жены, взъярился и бросился в монастырь, думая застать там любовников врасплох. Ему, видно, не доложили, что дело-то давнее, еще 1710 года. Однако вместо любовников он застал в монастыре лишь богомолку и монахинь. Евдокию со всем ее окружением под арестом препроводили в Москву.

На глазах Дуни Глебова начали пытаться. Чтобы добиться от него признания, Степана пытали так, как никого не пытали даже в то время: огнем, водой, раскаленным железом, а вдобавок еще и положили ему на грудь доску с гвоздями! Глебов, не выдержав страшных мучений, наконец сознался в близости с бывшей царицей. Но, что удивительно, он отказался покаяться за свое «преступление» и просить прощения у Петра даже тогда, когда на очной ставке в застенке Евдокия написала покаянную записку. Вот она: «Февраля 21, я, бывшая царица, старица Елена... со Степаном Глебовым на очной ставке сказала, что с ним блудно жила, в то время как он был у рекрутского набору, и в том я виновата. Писала своею рукою Елена». Помимо этого она, унижаясь, просила у Петра прощения, чтобы ей «безгодною смертью не умереть». Евдокия уже знала, что с Петром шутки плохи, и поспешила покаяться. Но как! Она ведь всю вину взяла на себя, что-

бы выгородить любимого. Что испытала несчастная женщина, наблюдая за муками близкого ей человека, можно только догадываться.

А Глебов, мужественный человек, несмотря на чудовищные страдания, стоял на своем: каяться и пощады просить не буду! Его приговорили к казни на колу. За что, спрашивается? С монашками сожительствовать, конечно, нехорошо, но за это полагалось бы церковное покаяние, а никак не страшная смерть. Дело в Петре. Он, как собственник, не мог простить брошенной жене ее любовь к Глебову. Никаких чувств, Петр, конечно к бывшей супруге не испытывал и, надо полагать, попросту не терпел посягательств на свою, пусть и бывшую, собственность. И мстил, страшно мстил. Опять немислимый произвол...

Почти сутки (18 часов!) умирал генерал Степан Глебов на колу посреди Красной площади. Чтобы он преждевременно не умер от холода, «заботливые» палачи по приказу Петра надели на него шапку и полушубок. Все это время возле него стоял священник и ждал покаяния. Но так и не дождался – Глебов умер молча.

Заодно частым гребнем прочесали и суздальское духовенство. Многие монахи в назидание были биты кнутом на Красной площади. Епископа Досифея колесовали, Андрея Пустынного и брата царицы Абрама Лопухина обезглавили. Специальным указом Петр поведал всем о «блудной» жизни царицы и сформулировал против нее обвинение так: «...за

некоторые ее противности и подозрения». Вот так – за подозрения! Ее высекли кнутом и сослали в Ладожский Успенский монастырь. Царь приказал «днем и ночью солдатам ходить непрестанно» вокруг кельи Евдокии. Наступили страшные холода, и даже охранники не выдерживали мороза и просили начальство «свести» их оттуда.

Евдокия надеялась дожить до смерти Петра, чтобы ей вышло послабление. Наконец, в 1725 году Петр умер, но к власти пришла Екатерина I, и жизнь узницы стала еще хуже – ее перевели в Шлиссельбургскую крепость. Там она пребывала в секретном заключении как государственная преступница под именем «известной особы». Но Евдокия пережила и Екатерину. И вдруг весной 1727 года она получила необыкновенно ласковое письмо от ее гонителя, «мерского» Алексашки Меншикова. Он вел свою игру, поскольку на престол взошел Петр II, родной внук Евдокии Лопухиной, отпрыск ее несчастного сына Алексея, убитого отцом. Евдокию опять перевели в Суздаль, а после ареста и ссылки Меншикова она поселилась в московском Новодевичьем монастыре. Петр II объявил, что назначает своей бабке содержание в размере 60 тысяч рублей в год и волость в две тысячи дворов. Евдокия опять обрела свободу и радость жизни, ей хотелось немного – просто помыться после грязных и вонючих тюремных камер, в которых она томилась. Горячую ванну она принимала по десять раз на день!

Никакой роли при дворе Петра II она не играла – она на-

слаждалась на старости лет свободой, которую, пройдя через все испытания, научилась ценить превыше всего. Но судьба вновь отвернулась от Евдокии. В 1730 году от оспы умирает Петр II, и на трон всходит ее родственница по мужу Анна Иоанновна. Кандидатура Евдокии Лопухиной рассматривалась Верховным тайным советом в качестве возможной претендентки на престол в связи с кончиной Петра II, но она от такой чести отказалась. Анне не нужна была соперница в споре за престол, и Евдокию снова отправили в Суздаль. Ей уже шел 61 год. Жена английского резидента видела ее там и писала своей приятельнице: «Она сейчас в годах и очень полная, но сохранила следы красоты. Лицо ее выражает важность... вместе с мягкостью при необыкновенной живости глаз». Евдокия Лопухина, последняя русская царица, тихо скончалась летом 1731 года.

Но вернемся к бомбардиру Петру Михайлову, как он сам себя называл. Его любовные похождения продолжались: последовала целая череда амурных приключений и кровавых расправ с его любовницами. Пока шли все эти перипетии с Анной Монс и Евдокией Лопухиной, вернее, во время этих событий Петр в 1703 году отбил у Меншикова полковую шлюху Марту Скавронскую. В юности она была любовницей пастора. Потом попала в плен при взятии города Мариенбурга в Прибалтике русскими войсками и досталась одному солдату, который использовал ее для плотских утех (и, по-видимому, не он один, так как в среде солдат принято делиться с

товарищами), затем она стала любовницей капитана Боура, у него ее купил за серебряный рубль фельдмаршал Шереметев, после этого она досталась Меншикову в той же роли, а уж после всей этой бесчисленной череды сексуальных партнеров Марту заметил Петр. «Попробовав» Марту, Петр остался доволен и больше ее от себя не отпускал. Царь вообще был в этом отношении не брезглив и запросто отбивал у своих подчиненных женщин, которыми они уже всюду пользовались. Такое произошло с Анной Монс, а теперь и с Мартой. Она родила Петру детей и после его смерти стала императрицей Екатериной I. (О ней и ее любовных приключениях мы расскажем в следующей главе.)

Но если Марта стала императрицей, то интимные отношения Петра с девицей Марией Гамильтон закончились для Марии трагедией. Эта Гамильтон происходила из древнего шотландского рода, перебравшегося в Россию в XVI в. Часть рода Гамильтонов осталась на родине: одна из женщин этого клана была любовницей адмирала Нельсона (Помните фильм «Леди Гамильтон», который после войны крутили во всех кинотеатрах страны?) Что стало причиной переселения Гамильтонов в Россию, неизвестно. Одни говорили, что они спасались от политических репрессий, связанных с войнами между Англией и Шотландией, другие рассказывали, что они просто опоздали на корабль в Америку... Надо полагать, Гамильтоны на родине кого-то подсадили, убили или предали, и им стало неуютно в Шотландии, вот они от греха по-

дальше и перебрались в Россию. Как бы то ни было, Иван Грозный, обожавший национальное разнообразие, ласково принял их и даже наделил хорошими землями. Через полторы сотни лет Гамильтоны вполне обрусели и породнились со многими русскими родами. Так, дочь одного из Гамильтонов стала женой сподвижника царя Алексея Михайловича Артамона Матвеева (мы уже писали о ней). Благодаря этому Машка Гамонтова (так теперь стали называть Гамильтонов) в 1709 году появилась при дворе Петра, и тот определил ее во фрейлины Марте Скавронской. Надо отметить, что Марту окрестили, и теперь она стала называться Екатериной Алексеевной. Так что надо было бы сказать «определил во фрейлины Екатерине Алексеевне», только Марта до своей свадьбы с Петром в 1712 году так и оставалась его любовницей. Непонятно, как можно определять кого-то во фрейлины к любовнице, но для Петра не было ничего невозможного, и такие тонкости придворного этикета его не смущали. Машке Гамонтовой в ту пору было лет 14–16, она была красивой девушкой с «передовыми» взглядами на свое продвижение по придворной лестнице. Екатерина Алексеевна с Марией Гамильтон одно время были лучшими подругами. Однако лучшим продвижением вверх Машка считала любовные связи и попыталась заменить собой свою «лучшую подругу», безродную потаскуху Екатерину. Почему ей, дочери знатного рода, нельзя, а шлюхе Марте можно? Шотландка обладала авантюрным характером и весьма привлекательной внешне-

стью. Она рассуждала так: Екатерина стареет, а она молода, хитроумна и чудо как хороша собой. Тем более что брак царя с церковной точки зрения незаконен! Почему бы нет? Вот и верь после этого в женскую дружбу!

Она старалась обратить на себя внимание Петра, и Петр, отличавшийся невероятным женолюбием, тут же отправил ее «стлать себе постелю». Первая ночь любви ошеломила Петра – Гамильтон обладала не только привлекательной внешностью, но и, как писали современники, «буйным вакханки нравом». Такого Петр, искушенный в многочисленных амурах с женщинами, еще не видел! Что она вытворяла с ним в постели! Кроме этого Машка была не дура выпить, чем и объяснялась ее раскованность. Подобные качества всегда нравились Петру, который обожал «это самое дело». Петр, по отзывам царедворцев, «распознал в юной красавице дарования, на которые невозможно было не возреть с вождением». И он в полной мере вожделем ее. И Мария добилась своего! Она стала фавориткой государя. Петр словно обезумел – он никак не мог насытиться ею и постоянно требовал все новых и новых ласк, новых наслаждений, беззастенчиво удаляясь с Марией от присутствующих в любое время дня и ночи. Она быстро делала постельную карьеру – в 1715 году у нее даже появились свои горничные.

Екатерина же была умной женщиной и не устраивала Петру сцен ревности – она отлично знала, что увлечение царя недолговременно и он снова окажется в ее объятиях. При

этом она должна была не просто мириться с увлечениями своего мужа, но оказывать всяческое расположение любовницам Петра и даже дарить им подарки. Поэтому, увидев, что «Машка Гамонтова» вдруг чрезвычайно возгордилась собой и стала задирать нос, гражданская супруга Петра только вздохнула и развела руками – что поделаешь... Она прекрасно знала, что милость государя не вечна. Так оно и случилось.

Кроме того, Мария на правах будущей царицы стала воровать у Екатерины наряды и драгоценности, пользоваться ее вещами. Глупая, о чем она думала? Гамильтон, в чьих жилах текла кровь беспутных и отчаянных шотландцев, уже решила, что Петр вполне созрел. То есть еще немного, и она станет не только первой, но единственной возлюбленной, да еще и царицей! А что? Происхождение у нее гораздо более знатное, чем у Екатерины, молодость к тому же, да и эротические эскапады умеет устраивать... Но она не учла одного – в постели царь не выдерживал никого застоя. Марту Скавронскую он воспринимал не только как любовницу, но и как друга, и Машка в этом отношении ей и в подметки не годилась. Царь в одночасье совершенно охладел к ней! Пресытившись ее любовью, он уже высматривал себе очередную партнершу в поисках новых будоражащих душу любовных приключений. Бедная Машка, она не учла небывалой ветрености Петра и патологической его неверности любой женщине, включая Екатерину.

Натешившись Марией, царь бросил ее. Ведь он был для своих подданных не просто царем, а земным богом, и поэтому карал и миловал по своему усмотрению. Пожаловав Гамильтон своей любовью, он через некоторое время решил, что этого с нее вполне достаточно. Мария была в шоке – как же так? Еще вчера она мечтала о царстве, а сегодня? Екатерина же, узнав о такой предсказуемой развязке, лишь усмехнулась, но оставила Машку при себе. Она была уже ей неопасна. И Мария Гамильтон, что называется, пошла по рукам. Молодость требовала своего. Конечно, при дворе сразу же нашлось немало желающих «утешить» молодую престелную «фройляйн», только что выскочившую из постели самодержца. Они отлично знали, что до того перебегать дорогу Петру было смертельно опасно, а вот после – очень даже лестно для самолюбия: переспать с бывшей любовницей самого царя! Тем более с такой красавицей.

Так вокруг Марии закружился пестрый хоровод блестящих гвардейских офицеров, бравых гренадеров и бомбардиров, щеголей-придворных, недавно вернувшихся из Европы и обученных всем правилам великосветского политеса. И фрейлина не устояла перед могущественной силой плотских наслаждений. Она несколько раз была беременна, но всякий раз ей удавалось удачно избавиться от греховного плода, хотя это было дело крайне опасное: и в медицинском, и в церковном, и в уголовном порядке. При Петре аборты были строжайше запрещены – ослушниц ждала смертная казнь.

Придворным лекарям она говорила, что у нее болезнь желудка, а на самом деле она вытравливала детей лекарствами. Эти абортывы были необыкновенно болезненны, а болезни, женщину, как известно, не красят. Поэтому Машка упрямо закрашивала синяки под глазами и свое бледное лицо косметикой, а также начала украшать себя драгоценностями, которые буквально воровала у Екатерины, благо, у нее имелся к ним доступ.

Вы можете представить себе женщину, которая не знает всех своих драгоценностей? Я тоже не могу! Вы можете представить себе женщину, которая не знает всех своих нарядов? Да они помнят все наперечет, помнят даже, что лет 10–20 назад носили! Не могла скуповатая Екатерина не замечать, что Машка ходит в ее платьях и на ней нацеплены ее кольца и колье! По всей вероятности, она просто старалась «не замечать» шалостей Марии Гамильтон и не поднимать шума. Ведь царь мог посчитать это заявление оговором, и тогда Екатерине уж точно не поздоровилось бы. Ведь она была просто его гражданской женой, и не более того. А Петр мог и другую жену себе завести. Так что Екатерине приходилось невольно прикрывать бывшую фаворитку Петра.

Казалось, Мария не ведала усталости в сладострастных любовных играх. Несмотря на все ее похождения, она хорошела день ото дня, но царь, даже ненароком с ней встречаясь, смотрел на прелестницу как на пустое место. Он взял свое, и она больше для него не существовала, государь про-

сто вычеркнул ее из своей жизни. Тогда Машка решила действовать иначе – закрутить лихую и отчаянную авантюру с денщиком царя Иваном Орловым и через него снова завладеть вниманием Петра. В те времена в денщики царя выбирались люди, лично преданные Петру, они имели высокие офицерские чины и являлись особо доверенными лицами, часто выполнявшими конфиденциальные и щекотливые поручения монарха. Достаточно вспомнить историю совершенно неграмотного царского денщика Александра Меншикова, ставшего генералиссимусом и одним из богатейших людей Европы.

Трудно теперь сказать, то ли Мария сама вешалась Орлову на шею, то ли уступила его домогательствам, но в итоге они стали любовниками. Во дворце они еще соблюдали какие-никакие приличия, а вне стен дворца Мария с денщиком вели распутную и бурную жизнь: бесконечные развлечения и сумасшедшая страсть в постели. Марии казалось, что сейчас она находится на расстоянии вытянутой руки от Петра, но на самом деле она отдалялась от него все дальше и дальше. Однако прекрасная шотландка упорно не хотела этого замечать, и ее связь с Орловым тянулась несколько лет. Как и его патрон, Орлов временами был груб с Марией, спяну ругал ее матерными словами, а иногда и потчевал кулаком; она же в отместку наставляла ему рога с очередным ухажем. При этом они ревновали друг друга. Она ревновала его к Авдотье Чернышевой, к «услугам» которой прибегал и сам

Петр, а он – ко всем ее поклонникам, мнимым и настоящим. Орлов, будучи пьян, не раз прилюдно сквернословил в адрес Машки. Несмотря ни на что жили они душа в душу. Чтобы завладеть расположением Орлова, она по старой привычке дарила ему драгоценности (не свои, конечно, а украденные у Екатерины) и даже стала запускать руку в ее кошелек.

Гром грянул неожиданно. В 1717 году Мария Гамильтон опять понесла. От кого – неизвестно. Но факт остается фактом – она забеременела, и это надо было как-то скрыть. Иван Орлов начал что-то подозревать, но Мария опять сослалась на болезнь желудка. Шло время, и беременность нашей героини становилась все очевиднее. Девять месяцев она притворялась больной и жила взаперти в отведенных ей комнатах. Главная надежда у нее была на верность прислуги, чтобы те, не дай бог, не проболтались о причинах ее болезни. В этот раз Мария почему-то не решилась прибегнуть к «лекарствам», чтобы случился выкидыш, а может, прибежала безуспешно, но в итоге родила здорового ребенка. Что с ним делать? Так как в браке Мария Гамильтон не состояла, внебрачные дети могли навсегда испортить репутацию девушки из порядочной семьи, к тому же фрейлины самой Екатерины. И Мария выбрала страшное: она своими руками задушила младенца! Так показала позже на следствии ее горничная Екатерина Тарновская. Муж горничной, который должен был позаботиться о тайном захоронении удушенника, проявил удивительную беспечность – он просто вынес его

во двор и положил возле фонтана! Фрейлина, не зная этого, щедро наградила горничную и ее мужа.

По правде говоря, такие преступления не были редкостью среди дворцовой камарильи – нет-нет, да и находили мертвых младенцев неподалеку от дворцовых покоев. Но, поговорив, вскоре забывали об этом. Вероятно, этим и объясняется беспечность мужа горничной – найдут, посудачат и забудут. Мертвого ребеночка, конечно же, наутро нашли, и все сразу же подумали на беспутную Машку Гамильтон, но до поры молчали. Как раз в эту пору вернулся из длительной поездки Иван Орлов. Ему тут же донесли о слухах, ходивших вокруг Марии, и он приступил к допросу неверной сожительницы. На прямой вопрос Ивана – не она ли умертвила ребеночка? – Мария, заламывая руки, клялась, что она ни в чем не виновата, что это все «клевета», что она любит детей и, если бы уж так случилось, нашла бы возможность пристроить его в хорошие руки.

Действительно, а почему Мария так не поступила? Ведь деньги у нее были. За хорошую плату можно было бы без труда найти приличных людей, согласившихся воспитывать незаконнорожденного младенца фрейлины, а потом время от времени его навещать. Многие, как это будет видно из дальнейшего нашего повествования, так и делали. Очевидно, страх разоблачения и угрызения совести – родить-то она родила, но матью так и не стала – все время мучили Машку Гамонтову.

Может, в другое время ей бы это и сошло с рук, но случилось непредвиденное. В том же 1717 году из кабинета Петра I пропали важные документы. В причастности к этому происшествию заподозрили царского денщика Ивана Орлова, дежурившего в эту ночь. В политическом сыске царь был неимоверно жесток и скор на руку – денщика тут же, невзирая на чины и звания, не дав опомниться, потащили на допрос с пристрастием. Насмерть перепуганный Орлов, не зная, за что его арестовали, – с царем шутки плохи – тут же кинулся Петру в ноги и слезно повинился в тайном сожительстве с бывшей фавориткой государя, фрейлиной Марией Гамильтон. Совершенно потеряв честь и достоинство дворянина (ему грозила либо смертная казнь, либо каторга на галерах до конца дней), Орлов торопливо начал выгораживать себя и валить все смертные грехи на Марию. Мужчина трусливый и подловатый, он соврал, что его любовница продала бумаги иностранному дипломату!

Сожительствва со своими бывшими женщинами, как мы помним на примере Анны Монс и Евдокии Лопухиной, Петру никому не прощал, и мог бы разобраться с Орловым по-своему, но здесь было другое дело – продажа секретных документов иностранцу расценивалась уже как государственная измена! Петр приказал незамедлительно схватить Марию. На дыбе она созналась во всем. И в том, что прелюбодействовала с Орловым, и в том, что воровала деньги и драгоценности у Екатерины, надеясь добиться благосклонности любовника,

и в том, что распускала сплетни о царице, что та, де, кушает воск (воск в те времена заменял жвачку) и от этого у нее на лице появляются угри. Этим она надеялась заново привлечь к себе внимание Петра. Наивная, она надеялась, что Петр перестанет любить угристую Екатерину! А еще она созналась, что в 1715 году дважды вытравливала плод незаконной любви. Услышав это, Петр даже отшатнулся. Убивать нерожденное дитя? Да за это ей самой смерти мало!

Немного подумав, Петр пошел к Екатерине и сообщил ей о краже, тем более что часть ворованного у Марии нашли. Однако Екатерина в этой ситуации поступила нестандартно – она заступилась за Машку! Ведь в ее руках была судьба бывшей соперницы, и ей ничего не стоило стереть ненавистную Машку в порошок. Испытание отомстить было слишком велико. Но Екатерина проявила истинное милосердие и просила Петра строго не наказывать преступницу. Вдобавок ко всему она заставила вступить за Марию еще и жену старшего брата царя, Ивана, вдовствующую царицу Прасковью Федоровну, которая вообще была не склонна к милосердию. Петр очень уважал царицу Прасковью и должен был прислушаться к ее словам, ведь, по понятиям старой Руси, для убийц нерожденных детей находилось много смягчающих вину обстоятельств.

«Я прощаю ее за все содеянное, бог ей судья», – тихо сказала Екатерина.

Но Петр оказался неумолим: «Я не хочу быть ни Саулом,

ни Ахавом, нарушая Божеский закон из-за порыва доброты». В связи с пропажей документов, которые Мария якобы продала иностранцу, ее продолжали пытаться. Гамильтон, конечно же, ничего не знала о пропаже бумаг, но под муками созналась в том, что она собственными руками задушила младенца. Розыскная машина закрутилась с новой скоростью. Опять принялись бить Орлова, но тот клялся и божился, что об убийстве ребенка ничего не знал, и опять начал выставать Марию как совершенно безнравственную и распутную женщину. Нельзя сказать, чтобы этот предок фаворитов Екатерины II братьев Орловых вел себя достойно.

Тогда к допросам привлекли прислугу фрейлины, и от Екатерины Тарновской узнали всю правду: Машка задушила младенца собственными руками, а муж Тарновской вынес труп к фонтану в дворцовой салфетке. Надо отдать должное Марии – она ничего худого об Иване Орлове не сказала.

Петр I приказал «казнить смертью» Марию Гамильтон за убийство младенца. Прав ли он был? Одно дело – сделать тайный аборт, другое – лишить жизни уже родившееся дитя. Это преступление противоречило как юридическим законам, так и православной морали. Да что там православной – никакая религия, кроме язычества, не приемлет детоубийства.

Прав ли был в этом отношении Петр? Безусловно, так как еще при отце, царе Алексее Михайловиче, был принят закон, гласящий: «А смертные казни женскому полу бывают за

чаровничество, убийство – отсекаль головы, за погубление детей и за иные такие же злые дела – живых закапывать в землю». Позже, в 1715 году, уже сам Петр издал указ «О гошпиталях», в котором говорилось: «Зазорных младенцев в непристойные места не отметывать, а приносить в гошпитали и класть тайно в окно», – а детоубийцам полагалась кара: «Коли кто умертвит такого младенца, то за оные такие злодейственные дела сами будут казнены смертью».

Так что Петр поступил правильно, хорошо хоть не приказал Марию живьем в землю закопать! В оправдание Петра поставим читателей в известность – английская королева Елизавета в этом отношении была еще хуже русского царя: она приказывала рубить головы изменившим ей любовникам, а заодно и соперницам. А шведская королева Христина велела казнить неверного любовника прямо на своих глазах. Но вот то, как Петр обставил казнь, действительно было омерзительно, отвратительно и недостойно царя! Байки о том, что Петр рассердился на Марию за то, что не досчитался трех будущих солдат, и о том, что якобы задушенный ею ребенок был от царя, пусть останутся байками. Петр никогда солдатских жизней не жалел, и ему было в то время не до Марии – у него и других любовниц хватало. Так или иначе, но Петр следовал закону, а может быть, он сделал это и в назидание другим дамам, чтобы те не вздумали вытворять ничего подобного.

14 марта 1719 года в Петербурге при большом стечении

народа Мария Гамильтон взошла на эшафот. Ей было всего около 25 лет. О том, как это происходило, мы уже писали в начале главы. Кровавое и омерзительно зрелище. Скажите, какому самодержцу придет на ум целовать отрубленную голову своей бывшей любовницы в губы, а затем на «живом примере» показывать отрубленные позвонки? Иван Грозный настолько уж был сатрапом, но даже он до такого не додумался. Однако Ивана Грозного мы осуждаем, а Петра возвеличиваем, несмотря на все мерзости, совершенные им лично.

А что же секретные документы, которые пропали из кабинета государя? А они, представьте, вскоре нашлись! Оказывается, при переодевании Петра Иваном Орловым бумаги, из-за которых и разгорелся весь этот сыр-бор, закончившийся казнью Марии, просто завалились за подкладку сюртука! Мария была права, заявив на допросе, что никаких важных бумаг в глаза не видела, а уж тем более не продавала чужеземцам, а Орлов врал, чтобы выгородить себя. Вот и имей такого любовника!

Что до головы Марии, то подчиненные немедленно выполнили приказ Петра, положили ее в стеклянную банку, заспиртовали и действительно поместили в Кунсткамеру. Поместили и забыли на долгие годы. С этой головой приключилась довольно занятная история. В 1783 году Екатерина Дашкова, только что назначенная президентом Академии наук, в состав которой входила и Кунсткамера, принимая де-

ла, заметила, что в музее наличествует перерасход спирта. В Кунсткамере действительно хранились множество заспиртованных уродов и монстров, и банки с ними следовало постоянно доливать, так как спирт испарялся, но чтобы такой перерасход? Она позвала старого служителя, чтобы строго спросить с него, но тот отвел ее в подвал и показал заспиртованную голову несчастной Марии Гамильтон. Вот куда идет спирт! Дашкова доложила об этой страшной находке Екатерине II. Та тоже об этом ничего не знала, и чтобы не держать такой нечеловеческой мерзости в Кунсткамере, приказала зарыть голову Марии в том же подвале. Наверное, она там до сих пор находится, следует только хорошенько поискать.

Клеветника Ивана Орлова сначала разжаловали и заточили в крепость, но потом царь смягчился, и он до конца своих дней числился в офицерах Преображенского полка. Сожительство с Марией Гамильтон не сильно повлияло на его карьеру. Вообще общественное мнение и законодательство за прелюбодеяние более наказывало женщину, чем мужчину. Скажем только, что Петр никогда не прощал женщинам измены ему, даже когда бросал своих бывших жен и любовниц. В его представлении, как и в представлении любого мужчины-собственника, эти женщины должны жить затворницами, не выходить замуж, не иметь любовников и всю жизнь вспоминать только о нем, «любимом». Так что Петр в этом отношении был здесь не оригинален. Но если осталь-

ные мужчины-собственники только хотели бы этого, то Петр действовал – он мстил, и мстил страшно.

Итак, Марию Гамильтон судили не за воровство денег и драгоценностей у Екатерины, а за тайные аборты и за убийство младенца. Что же до воровства, то им занималась еще одна любовница Петра I, некая Анна Кремер. Она, как и Екатерина, была уроженкой города Нарвы. После взятия Нарвы в 1704 году она попала в плен к русским солдатам, в общем, повторив судьбу будущей императрицы Екатерины I. Попользовавшись ею, солдаты продали ее казанскому губернатору в наложницы. Потом губернатор подарил ее Петру I, который включил ее в состав свиты Марии Гамильтон. Петр некоторое время принимал ласки обеих женщин, и вскоре она перекочевала в штат Екатерины. Про запас, так сказать. При дворе у Екатерины Анна быстро сошлась с другой шлюхой, немкой Каро, проституткой из гамбургского борделя, привезенной в Россию кем-то из дипломатов. В 1716 году, вскоре после смерти родной сестры Петра I, царевны Натальи Алексеевны, при осмотре фамильных драгоценностей была выявлена огромная недостача бриллиантов, изумрудов, сапфиров и иных драгоценных камней, а также изделий из золота и серебра. Воровать у родной сестры государя было то же самое, что воровать у него самого. Разгневанный Петр приказал учинить тщательное расследование, которое позволило бы выяснить все обстоятельства пропажи драгоценностей. Оказалось, что они были украдены у только что

умершей Натальи Алексеевны пройдохами и шлюхами Анной Кремер и Каро! Разоблаченные воровки, страшась дыбы и побоев, тут же начали клеветать на всех, кто согласился у них купить ворованные драгоценности. При этом пострадало немало высоких особ, якобы не знавших, что бриллианты ворованные. В итоге Кремер и Каро отправились на каторгу.

В череде любовных утех Петра были и досадные случаи. Гигиена тогда была в зачаточном состоянии, а средств контрацепции вообще никаких. СПИДа, конечно, в те времена не существовало, а вот венерические болезни были, и в частности сифилис. Однажды Петр заболел «дурной болезнью» после того, как около 1710 года переспал с еще одной своей кратковременной любовницей, 17-летней Евдокией Ржевской. Осерчав, Петр тут же выдал ее замуж за своего денщика Григория Чернышева и приказал супругу выпороть ее без всякой жалости. При этом Петр не порывал связи с ней: оба они вылечились. Чернышев же искал повышения по службе и не возражал против такого «тройственного» союза. У Евдокии впоследствии родилось четыре дочери и три сына; говорили, что будто от Петра. Принимая во внимание легкомысленный нрав Дуняши, отцовство Петра в данном случае более чем сомнительно. Ведь заразилась же она от кого-то до того, как лечь в постель с Петром? Но Евдокия нравилась Петру своим бойким нравом, и никаких последствий этот казус не имел. Петр, обычно не расположенный к сантиментам, с восхищением называл ее «бой-бабой». Черны-

шев впоследствии стал генералом, а Евдокия, соответственно, генеральшей. Она скончалась в 1747 году, уже при императрице Елизавете, значительно пережив Петра.

Интересная деталь: в знаменитой «Пиковой даме» Александра Сергеевича Пушкина выведен образ старой графини, которая подсказала Германну три карты: тройку, семерку, туз. Так вот, достоверно известно, что прообразом этой старухи послужила княгиня Наталья Голицына, отцом которой был генерал П. Чернышев, сын того самого денщика Петра I Григория Чернышева. Таким образом, Наталья Голицына, возможно, была внучкой самого царя!

И наконец, о последнем большом увлечении Петра – княжне Марии Кантемир. Мария была дочерью молдавского господаря Дмитрия Кантемира. Родилась она в 1700 году, то есть была на 28 лет моложе Петра. В детстве она была вывезена в Стамбул, где обучалась древнегреческому, латинскому, итальянскому языкам, познала основы математики, астрономии, риторики, философии, увлекалась западной литературой и историей, любила рисовать и музицировать. То есть она была высокообразованной, умной и начитанной женщиной. Шлюхи и проститутки, глупые кокетки, составлявшие в основном окружение Петра, ей и в подметки не годились.

Во время неудачного для России Прутского похода против турок в 1711 году отец Марии и союзник царя Дмитрий Кантемир потерял свои владения и нашел пристанище

в Петербурге. Дочь сначала жила на Украине, а потом – под Москвой, в имении Черная Грязь. Занималась она тем, что изучала русский язык и грамоту, а в 1720 году переехала в столицу. В доме отца она и познакомилась с Петром, Меншиковым и другими приближенными государя. Петр, как известно, любил шумные развлечения – ассамблеи, маскарады и прочие разгульные празднества, где все присутствующие, и дамы в том числе, напивались в доску. Мария пригласилась развратнику и по этикету должна была присутствовать на этих оргиях. Однако однажды побывав на одной из таких «вечеринок», она навсегда зареклась посещать подобные мероприятия. Царь, конечно же, рассердился и даже поручил обер-прокурору П. Ягужинскому и доктору Л. Блюментросту провести расследование. Впрочем, оно ничего не дало – Мария просто не хотела посещать подобные развратные гулянки, и все. Петр сначала рассвирепел, а потом заужал Марию – ишь ты, какая гордая! Потом ему в голову пришло затащить ее в постель, ведь он никогда не спал со столь образованными дамами! Большею частью ему приходилось довольствоваться проститутками, портомоями, солдатскими да кабацкими девками.

Зимой 1721–1722 годов ему все-таки удалось уложить Марию в свою солдатскую койку. Кто был в домике Петра в Петербурге, тот видел его так называемое «ложе». Заметим, что отец Марии, Дмитрий Кантемир, этому nepoтpeбcтвy никак не препятствовал. Таким образом он рассчитывал

породниться с царем и с его помощью освободить свои владения от османского владычества. Наивный, он еще не знал, что так называемая «любовь» царя кратковременна, как летний дождик!

В 1722 году черт дернул Петра ввязаться в еще одну авантюру – совершить так называемый Персидский поход. Этот поход был удачнее предыдущего – за Россией удалось закрепить города Дербент и Баку. В поход Петр взял с собой жену Екатерину и любовницу Марию Кантемир. Вероятно, одной дамы ему было мало. Но Мария отправилась в Персию уже беременной от Петра. Для Екатерины же это был роковой момент – после смерти ее сына Петра Петровича, которого царь мог сделать своим наследником на русском престоле, существовала опасность, что непостоянный Петр женится на Марии, а от нее избавится. Причем избавится так же, как и от своей первой жены Евдокии Лопухиной, – отправит в монастырь, а может, выдумает что и похуже. Французский посол Ж. Кампредон докладывал своему королю: «Царица опасается, что если княжна родит сына, то царь, по ходатайству Валахского господаря, разведется с женой, и женится на своей любовнице». Ситуация для Екатерины была очень опасная.

Из-за тяжести пути Мария осталась в Астрахани, а Петр с Екатериной двинулись дальше. Настало время рожать, но приспешники Екатерины постарались – в 1723 году Мария родила мертвого ребенка. Она тяжело заболела, опасались

даже за ее жизнь. По всей вероятности, Марию отравили, что было тогда в порядке вещей, но она выжила и лишь потеряла ребенка. После Персидского похода, закончившегося для Кантемиров столь неудачно, отец с дочерью уехали в орловское имение Дмитровку, где господарь вскоре скончался. Княжна получила в наследство все драгоценности матери, стоившие 10 тысяч рублей.

Связь Петра I Марией Кантемир возобновилась, когда царь в 1724 году узнал об измене своего «ангела небесного» Екатерины с камергером Виллимом Монсом. Он был родным братом той самой Анны Монс, о которой мы писали ранее, но об этом мы подробно расскажем в следующей главе. Царь тогда рассердился на Екатерину и снова подумывал жениться на княжне. Вскоре, впрочем, Петр переменял гнев на милость и остался с Екатериной, хотя их отношения так и остались натянутыми. Он даже не назначил себе преемника на троне. Не была ли виной тому связь Екатерины с Монсом? Как знать...

А что же Мария Кантемир? Лишившаяся честолюбивых надежд, она после кончины Петра I в 1725 году серьезно заболела и даже составила завещание в пользу своих братьев. После выздоровления она жила в Петербурге, но совершенно не интересовалась жизнью двора. При Петре II она переехала в Москву, где служили ее братья. В связи с участием ее брата Антиоха Кантемира в возведении на престол Анны Иоанновны в 1730 году она была назначена фрейлиной

императорского двора. Было сделано ей и предложение выйти замуж – его сделал грузинский царевич А. Бакарович, но Мария его отвергла. Почему? В память о Петре? Это вполне возможно, ведь не пустилась она во все тяжкие после своей отставки, как Гамильтон или Монс с Лопухиной, не стала заводить себе любовников... Не стала искать приключений в амурных делах, в общем, вела себя как вдова. Петру I, наверное, такое поведение Марии Кантемир очень бы понравилось.

В Москве она вела светскую жизнь и общалась со многими выдающимися деятелями постпетровской эпохи. Во время коронации императрицы Елизаветы Петровны Мария сумела расположить ее к себе, была обласкана царицей и получила во владение новые вотчины. Скончалась Мария Кантемир 9 сентября 1757 года в возрасте 57 лет в Москве, так и не познав ни одного мужчины, кроме Петра.

Петру же после Марии Кантемир, вероятно, понравились умные и образованные женщины, поэтому в последние годы своей жизни он завел роман с Елизаветой Сенявской, урожденной княжной Любомирской, которая была женой польского коронного гетмана Сенявского. Она получила западное воспитание и была очаровательна, но Петр восхищался не столько ее красотой, сколько редким умом. Ему нравилось ее общество, да и любовь с ней тоже. Елизавета давала ему советы, и он, подумав, находил их дельными. Она была прелестна, и царь поддался ее очарованию. Усмиренный и

облагороженный ее присутствием, он как будто преобразился рядом с этой чистой и благородной натурой.

Однако как только оставил Елизавету Сеньявскую, он опять принялся за свое. В 1724 году он завлек в постель 19-летнюю княжну Марию Матвееву, внучку того самого Артамона Матвеева и Евдокии Гамильтон, о которых мы писали ранее. Она была легкомысленной и любвеобильной особой. Историк, великий князь Николай Михайлович, которому были известны многие тайны династии Романовых, писал: «Она занимала первое место среди любовниц великого императора, он любил Марию Андреевну до конца жизни, и даже ревновал ее, что случалось с ним нечасто. Желая, чтобы кто-нибудь держал юную графиню “в ежовых рукавицах”, государь выдал 19-летнюю Матвееву за своего любимого денщика Александра Ивановича Румянцева...» Скорее всего, царь, узнав об очередной измене своей любовницы, постарался от нее избавиться, выдав замуж за денщика, совершенно так же, как он это проделал с Евдокией Ржевской, выдав ее замуж за денщика Чернышева. В этом была вся натура Петра – позабавился и бросил. Эта связь имела последствия – от Петра у Марии Матвеевой, теперь уже Румянцевой, в 1725 году родился сын, будущий великий русский полководец фельдмаршал Петр Румянцев-Задунайский. Это единственный достоверный факт отцовства Петра.

Общее же количество известных бастардов Петра достигает 90 или 100 человек. Число неизвестных детей может

быть и больше, возможно, несколько сотен! Дело в том, что нам доступны сведения только о дворянках, переспавших с Петром, и вообще женщинах из высшего общества. В то же время есть множество свидетельств тому, что Петр не брезговал крестьянками и солдатками. Взять хотя бы ту же историю с портомоей Екатериной. По количеству бастардов Петр, пожалуй, переплюнул своего современника, французского короля Людовика XIV, такого же ненасытного любовника. Правда, всех перещеголял на этом поприще еще один его современник, король Польский и курфюрст Саксонский, дамский угодник Август II Сильный. По преданию, у него было 700 любовниц и около 350 детей!

Факт. Король-Солнце Людовик XIV

Людовик XIV (1638–1715) был сыном Анны Австрийской и Людовика XIII, его называли «Король-Солнце»; это ему принадлежит изречение: «Государство – это я!» Еще в пятилетнем возрасте он взошел на престол Франции. Людовик был красавцем, и женщины любили его так же, как и он их. В отличие от Петра I, который никого не любил, он часто влюблялся, но не забывал и о мимолетных связях.

В 15-летнем возрасте его совратила камеристка королевы мадам де Бове, в молодости страшная развратница. Ей в ту пору было 42 года. «Это» ему так понравилось, что он решил разнообразить свои похождения. Он начал со зрелых придворных дам, а потом приступил к методичному «освоению»

фрейлин, живших во дворце под присмотром мадам де Навай. Каждую ночь он через окно проникал в их покои, чтобы вкусить сладость любви с первой же фрейлиной, которая попадалась ему под руку. Вскоре об этом узнала госпожа де Навай и приказала поставить крепкие решетки на все окна. Однако Людовик не спасовал перед возникшими трудностями – он позвал каменщиков и велел сделать потайную дверь в спальню одной из фрейлин. Днем она маскировалась спинкой кровати, а ночью на этом ложе он постигал тайны плотской любви. Так продолжалось несколько дней, пока мадам де Навай не обнаружила тайный ход и не приказала замуровать его. Ночью Людовик, к своему удивлению, обнаружил гладкую стену на том месте, где был секретный ход. Это возмутило юного монарха, и он выслал из Парижа несносную мадам де Навай.

Перебрав всех фрейлин, Людовик перешел к простонародью и сделал своей любовницей дочь садовника. Она родила ему ребенка. Затем он решил попробовать «плоды» повкуснее – стал проводить время в обществе племянниц кардинала Мазарини, сестер Манчини. В итоге 16-летний Людовик влюбился в свою ровесницу Олимпию, старшую из племянниц Мазарини. По Парижу сразу же распространился слух, что Олимпия станет королевой Франции. Мать юноши не на шутку рассердилась – мало того, что она сама была любовницей Мазарини, так еще ее сын путается с его племянницами! Не бывать этому! Олимпии было приказано удалиться из Парижа. Мазарини все

правильно понял и выдал девушку замуж за графа Суассонского.

В 19 лет король влюбился во второй раз – в мадемуазель де ла Мот д'Аржанкур, фрейлину королевы. Коварный кардинал решил отомстить юному королю – он поведал о том, что его новая избранница раньше была близка с самим кардиналом Ришелье и что он однажды застал их за тем, как «они занимались любовью на табурете». Такие подробности не понравились Людовику, он порвал с ней и уехал воевать с англичанами. На войне он тяжело заболел и был на грани смерти. За ним стала ухаживать еще одна племянница Мазарини – Мария Манчини, которая уже давно любила короля, но не решалась об этом ему сказать. Людовик сразу понял, что он любим, и вскоре сам признался ей в любви. Чтобы понравиться той, которую он уже считал своей невестой, король, получивший до этого самое поверхностное образование, решил «подтянуться» – стал изучать иностранные языки, читать. Мария была образованной девушкой, и под ее влиянием Людовик стал проявлять такие качества, как любовь к искусству, стремление повелевать; она разбудила в нем дремавшую гордость. В общем, Мария Манчини была примерно тем же, что и Мария Кантемир для Петра I. Она тоже стремилась в королевы, но из этого ничего не вышло – Людовик должен был из политических соображений жениться на испанской инфанте Марии-Терезии. И Мария во благо короля пожертвовала своей любовью –

она порвала с ним!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.